

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Золотой медальон с
единственным сохранившимся
на свете волосом
легендарного единорога
обладает могущественной
силой. Он способен хранить
своего владельца от любых
бед и неприятностей...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Медальон инквизитора

Наталья Николаевна Александрова
Медальон инквизитора
Серия «Артефакт-детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3938075

Наталья Александрова. Медальон инквизитора: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57897-9

Аннотация

Чтобы обладать понравившейся женщиной, средневековый инквизитор и поборник строгих нравов брат Бернар продал свою душу Дьяволу. Князь Тьмы милостиво согласился отдать монаху полную власть над жизнью Маргариты Ситтов. Но дабы сломить сердце неприступной красавицы, нужно забрать у нее семейную реликвию – золотой амулет, обладающий защитными свойствами. Медальон похищен, фрау в полной власти фанатика. Но вместо любовных признаний Бернар получил лишь все муки ада, а золотоволосую чаровницу сожгли на костре по обвинению в колдовстве... Через десятки поколений охранный медальон оказывается у скромного редактора Оксаны Карасевой. Но даже он не в силах защитить ее от страшного взрыва в поезде, преследования бандитов-уголовников и назойливых ухаживаний соседа – агента спецслужб. Тот тоже продал свою душу Дьяволу за любовь Оксаны. Судьба владельцев медальона странным образом повторяется...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	38
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

Медальон инквизитора

Двери лифта разъехались бесшумно, и Оксана оказалась в холле первого этажа. Даже тут были удобные кресла, обитые синей кожей, и светильники причудливой формы, бросающие мягкий, вкрадчивый свет. И картины на стенах – что-то серо-голубое, абстрактное, а потому совершенно непонятное.

Оксана привычно усмехнулась – ни к чему искать смысл в том, в чем смысла не может быть по определению. Вот, к примеру, для чего тут кресла? Кому понадобится сидеть тут, на первом этаже, если его уже пропустила охрана? Человек торопится по делам наверх, некогда ему рассиживаться...

Издательство занимает четыре этажа огромного здания, и отделано тут все с большим размахом. У них в Петербурге представительство гораздо скромнее – всего один коридор на третьем этаже бизнес-центра, редакторы все теснятся в общем зале, у директора, правда, кабинет приличных размеров – чтобы совещания проводить, а у нее и вовсе клетушка, едва два стола умещаются. С нужным человеком и поговорить негде. Хотя она редко на месте сидит – это директор свой кабинет обожает. А на долю Оксаны, его заместителя, достается беготня, командировки и прочая головная боль. Ну, она не жалуется, все же какая-никакая, а карьера...

Охранник приветливо кивнул, когда она сдавала ему пропуск, – узнает уже, она часто сюда ездит. Оксана устремилась к дверям, прикидывая про себя, как потратить то небольшое время, что у нее остается до поезда. Офис издательства, конечно, шикарный, но добираться отсюда до вокзала смерти подобно...

Внезапно в холле потемнело, как будто выключились все лампочки. Сердце у Оксаны забилося глухо у самого горла, казалось, что там, под горлом, сидит кто-то сырой и волосатый и не дает дышать. Вспомнилось название болезни – «грудная жаба». Так вот оно что, а она-то думала, что это аллегорическое выражение!

Все произошло буквально за секунду, Оксана не потеряла сознания, кто-то внутри ее отсчитывал время. Она просто застыла на месте, краем глаза увидев, как охранник озабоченно взглянул на нее.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да-да... – она пришла в себя, – просто немного устала, трудный день выдался...

И пошла вперед, выпрямив спину.

И только Оксана взялась за ручку двери, как услышала мужской голос:

– Оксана Николаевна! Пойдите!

Ее догонял запыхавшийся парень. Хотя нет, парнем его называть не хотелось. Не по причине молодости, тут-то было все в порядке – молод, весьма хорош собой, взгляд открытый. Одет хорошо – ну, этим Оксану не удивишь. Выглядел он очень прилично, так что слово «парень» ему не подходило. «Мужчина» – тоже, так только в автобусе кричат: «Мужчина, передайте на билетик!»

Оксана в автобусе ездила редко – когда машина сломается или вот тут, в Москве...

А того, кто ее окликнул, хотелось назвать церемонно «молодой человек». Оксана так и хотела, потом опомнилась – что она, старушка восьмидесяти лет?

– Что вы хотели? – она слегка улыбнулась.

– Вы ведь Оксана Николаевна? Из Петербурга? – Он остановился и придержал дверь. – Простите меня, я упустил вас наверху. Я Андрей, Андрей Логинов, вот... – Он порылся в карманах и протянул ей визитку.

Мимо проходили люди, было неудобно стоять в дверях, и Оксана слегка поморщилась. Он тут же уловил ее недовольство и вежливо потянул в сторону.

– Простите меня, совсем замотался. Меня просили отвезти вас на вокзал.

– Отвезти? – Оксана подняла брови. – Это что-то новенькое... раньше издательство таких услуг не предоставляло...

– Ну да, просто я тоже еду в Питер... что не так? – снова он мгновенно уловил ее настроение.

– Ничего, просто я очень не люблю, когда мой родной город называют Питером, – призналась Оксана, хотя секунду назад не хотела этого делать. – Понимаете, Питер – это что-то такое... ну, матросы революционные так его называли или рабочие, когда булыжники из мостовой выковыривали. А город называется Санкт-Петербург.

– Угу, в честь Петра Первого... – улыбнулся ее собеседник.

– Нет, в честь его святого, – улыбнулась в ответ Оксана, потому что не ответить на его улыбку было невозможно, – не считите меня занудой, но мы, коренные петербуржцы, ужасные снобы.

– Понял. Спасибо за разъяснение. Так вот, я еду в... в ваш город по делам, так что могу подбросить вас к поезду. Время еще есть, но, учитывая пробки, следует поторопиться.

Оксана внезапно ощутила небывалое счастье. Не нужно тащиться через всю Москву на перекладных. Можно расслабиться на заднем сиденье хорошей машины. Что-то она устала сегодня, и поесть времени не было...

– Спасибо вам! – Оксана снова улыбнулась.

– Поедем, Оксана Николаевна, машина ждет!

– Ох, да не зовите вы меня по отчеству, меня все Оксаной зовут! – отмахнулась она. – Так уж привыкли...

Машина ждала их чуть в стороне от выхода, в дальнем углу стоянки. Водитель был незнакомый – ну, Оксана же не может знать их всех. Андрей, как было написано на визитке, работал в отделе по связям с общественностью, или PR.

– Так вас Лида послала? – уточнила Оксана.

Лида Яковлева была начальницей отдела, сама родом из Петербурга, в свое время вышла замуж в Москву, у нее в Северной столице остались мама и сестра, Лида часто передавала с Оксаной небольшие посылочки – подарки к праздникам, лекарство для мамы и разные мелочи.

– Ну да... – Андрей выглядел смущенным. – Понимаете, я новый сотрудник, хотелось бы сразу себя показать с хорошей стороны... есть некоторые задумки...

«Понятно, – сообразила Оксана, – не хочет зря время терять, думает, я помогу ему разобраться, что к чему...»

В конце концов, что в этом плохого? Все хотят побыстрее сделать карьеру.

– Вы, наверно, за целый день устали, – в голосе Андрея прозвучало искреннее беспокойство, – а я тут с разговорами... Отдыхайте!

И Оксана сама не заметила, как задремала.

– Простите, – она проснулась, когда спутник осторожно тронул ее за плечо, – в поезде спала плохо, вот и развезло сейчас...

– Ничего, мы почти приехали... – Андрей снова улыбнулся, и Оксана подумала, что если он еще и умен, то карьере сделает быстро. Это же не улыбка, а просто море обаяния! Для его работы очень полезно.

Водитель долго пытался припарковать машину, но потом высадил их прямо у вокзала и уехал, буркнув что-то, весьма отдаленно напоминающее «Счастливого пути!».

Посмотрев на часы, Оксана поняла, что времени до отхода осталось мало.

– Надо торопиться! – подтвердил Андрей.

Они вошли в здание вокзала. Было шумно и тесно, как, впрочем, и всегда. Оксана с тоской проводила глазами небольшой стеклянный куб кафе. Здесь было относительно чисто и дороговато для простой вокзальной публики. Таким образом владельцы кафе отсекали нежелательных клиентов. Кафе годилось на крайний случай, если Оксана не успевала поесть в городе, а так бывало частенько.

Вот и сегодня она не ела с самого утра. Поезд пришел в восемь, у нее было время, чтобы съесть плотный завтрак – овсяная каша с миндалем и изюмом, круассан и большая чашка кофе с молоком и сахаром. Сейчас при мысли о хрустящем круассане желудок скрутил спазм. Да что там, она рада была бы даже черствой булке! Но в кафе они уже не успевают, а булочку с лотка схватить она не может себе позволить при постороннем. Не хватало еще, чтобы в издательстве узнали!

Оксана сжала зубы и решительно зашагала к перрону. Поезд уже подали.

В кармане завибрировал мобильный.

– Санка, ты где? – спросил муж.

– В поезд сажусь, – ответила она, радуясь его голосу, – к утру буду, это точно!

– Ну, я думал, ты на «Сапсане»... – разочарованно протянул он, – а так еще до утра ждать...

– Поезд рано приходит, к восьми дома буду, пересечемся! – сказала Оксана.

И отключилась, неудобно было ворковать по телефону в присутствии незнакомого человека. Максим, конечно, обидится. Он вечно ей выговаривает, что по телефону с мужем нужно говорить ласково. «Что от тебя, убудет, что ли, если назовешь зайчиком или котей?» – спрашивает он, смешно оттопыривая губу, как маленький. И Оксана в который раз должна объяснять ему, что на работе она не может себе этого позволить.

Вот и ее вагон. Проводница приветливо поздоровалась. Оксана пропустила вперед маму с дочкой. Девочка была очень хорошенькая, светловолосая, в розовом пальтишке, на руках она держала большого игрушечного медведя в розовом платице.

Андрей проводил Оксану до купе и сказал, что едет через два вагона в обычном купейном.

– До СВ еще не дослужился! – улыбнулся он.

Оксана промолчала, если честно, она тоже не дослужилась, просто билет заказывали для директора, а потом он поговорил с Москвой и решил, что Оксана вполне справится без него. Она и справилась, за это в СВ прокатилась.

– Оксана, – Андрей мялся в купе, – не сочтите меня навязчивым... но я бы хотел поговорить с вами до того, как завтра покажу в издательстве свои проекты. У вас глаз наметанный, вы бы только посмотрели... И я вас приглашаю поужинать...

– Ну...

– Ну, хоть чаю выпьем... – он заглянул ей в глаза.

Есть хотелось до умопомрачения, она прикорнула в машине и теперь не заснет, будет ворочаться и слушать урчание собственного желудка. С другой стороны, Андрей оказал ей любезность, довез до вокзала, а она продрыхла всю дорогу. В общем, Оксана решила, что отказаться сейчас будет невежливо. В конце концов, она сама может заплатить за себя.

Условились встретиться через сорок минут в вагоне-ресторане.

– Я не прощаюсь! – снова Андрей улыбнулся и едва не столкнулся в дверях со второй пассажиркой.

Он пробормотал извинения и скрылся.

– Молодой человек разбрасывает улыбки направо и налево! – засмеялась женщина. – Ох, простите, это ваш знакомый...

– Неблизкий, – улыбнулась Оксана, – мы коллеги.

– Будем устраиваться! – сказала женщина, оглядывая купе. – Места много, в вагоне тихо... Люблю СВ!

Женщина выглядела очень прилично – ухоженная, немного за сорок, дорогое бежевое пальто, коричневая сумка известной фирмы, как наметанным глазом определила Оксана. Бизнесвумен? Да нет, эти обычно замотанные, маникюр некогда сделать, Оксана по себе знает. А по соседке видно, что она недавно из парикмахерской. Под пальто костюм соответствующий, сидит отлично, в ушах серьги бриллиантовые. Кольцо опять же... Но все со вкусом, ничего лишнего. Скорей всего, жена крупного чиновника, такие только в СВ ездят.

– Познакомимся? – улыбнулась соседка. – А то пока до дому доберемся, целая ночь пройдет, надо же как-то друг к другу обращаться.

– С удовольствием! – обрадовалась Оксана.

Соседку звали Валентиной. Она достала из чемодана дорожный несессер и еще какие-то вещи. Чемодан был дорогой кожи и довольно объемный, из чего Оксана сделала вывод, что ездила женщина не на один день.

В коридоре послышались шаги двух человек. Шаги были тяжелые и уверенные. Дверь в их купе была приоткрыта, и Оксана увидела двух пассажиров. Впереди шел мужчина средних лет, уже начинающий грузнеть. Волосы его поредели на макушке, глаза смотрели прямо перед собой. Вид у мужчины был начальственный. Следом выступал невысокий крепыш, черный костюм едва не лопался на неправдоподобно широких плечах. Движения его были скупы и вроде бы неторопливы. Про этого тоже было все понятно: охранник. Проходя мимо, охранник окинул обитательниц купе быстрым рысьим взглядом.

Двое заняли соседнее купе.

– Колоритная парочка... – поежилась Оксана.

– Вы не узнали? – удивилась Валентина. – Это же Туманов...

Про Туманова Оксана слышала. Назначенный недавно вице-губернатором Санкт-Петербурга Арсений Туманов, это имя отложилось в голове.

– Его по телевизору часто показывают, – усмехнулась Валентина, – персона известная...

Поезд тронулся. Вот и перрон остался позади, а следом проплыли пакгаузы, привокзальные здания, какие-то заборы, и вот уже поезд набирает ход, и мимо проносятся только огни.

– Вы побудете пока здесь? – Валентина стояла в дверях с полотенцем через плечо.

– Конечно! – Оксана вздохнула, вспомнив, что обещала встретиться с Андреем в вагоне-ресторане.

Поезд тряхнуло на стыке рельсов, и ей показалось, что в купе погас свет. Сердце снова подкатило к горлу. Стало душно, Оксану прошиб холодный пот. Да что же это такое? Она опустила на диванчик, потому что ноги ее не держали.

Дурнота прошла так же быстро, как в прошлый раз, сердце успокоилось. Что с ней такое? Для обычного женского недомогания еще рано. Переутомилась, ела плохо? Вот это точно. Надо хорошо питаться, высыпаться и больше бывать на свежем воздухе, тогда все пройдет.

С этими благими мыслями Оксана убрала дорожную сумку под полку. Сумка показалась ей тяжелой – вот, совсем нет сил. Да откуда им быть, если с утра не евши? Она достала из сумочки косметичку. В купе было зеркало, там отразилась бледная девица с залезанными волосами.

Оксана вытащила заколки, и благодарные волосы рассыпались по плечам. Однако все же какие-то они тусклые, нет обычного золотистого блеска, за который Максим прозвал ее Златовлаской. И глаза глядят устало, совсем не сияют. А, глупости, просто в купе свет плохой, при таком свете все лица кажутся зелеными, как у покойников...

Оксана расчесала волосы и слегка подкрасила губы, взялась за флакончик духов, но не решилась им воспользоваться. У нее не свидание, а деловая встреча. А то еще подумает этот Андрей что-нибудь не то, увидев ее во всей красе.

Оксане повезло – она похорошела уже после школы, а в детстве была гадким утенком, так что бывшие одноклассники, увидев ее на встрече через год, буквально попадали со стульев. И было от чего: вместо худющей голенастой рыжей девчонки с конопатым носом перед ними появилась золотоволосая красавица с гордой осанкой. Исчезли веснушки, нос перестал казаться курносым, кожа стала гладкая, брови, вместо которых раньше были две рыжеватые запятые, теперь изгибались тонкой дугой. Глаза остались прежними – золотисто-карие, сияющие, как звезды.

Если бы она была хорошенькой с самого детства, судьба ее сложилась бы по-другому. Сначала улыбки взрослых, даже незнакомых людей, потом восхищение мальчишек, зависть девчонок, легкая мания величия – я прекрасна, я лучше всех, мне ничего не нужно добиваться, все и так будет... В итоге раннее замужество, потом разочарование, характер портится, и по прошествии лет, когда красота ускользнет, осознаешь, что немолода, а за душой ничего, кроме нескольких разводов.

С Оксаной все было по-другому. Когда мама увидела, что стало с ее дочкой, она не уставала ей повторять, что ей просто повезло, что нет в этом никакой ее заслуги и что красота – это испытание. Оксана не очень слушала маму, но все же удалось избежать некоторых ошибок.

А когда окончила институт, то поняла, что красота ее работе только мешает. И начала безжалостно закалывать волосы в пучок, почти не пользовалась косметикой, нарочно выбирала бледную помаду и нарочито строгие костюмы. Хотела еще заказать очки с простыми стеклами – для солидности, но решила, что это будет перебор. И украшения она на службу не носила, только простые сережки, чтобы уши не заросли, да еще медальон.

Небольшой золотой овал на тонкой цепочке старинного плетения, с одной стороны на нем был выгравирован символ в виде необычного креста, другая сторона была гладкой. Медальон был старый, бабушка говорила, что он достался ей от ее матери, потому что передается по женской линии. Какова история украшения, Оксана не знала, известно было только, что медальон берегли, не продали и не проели в голодные годы.

– Ну вот, я готова лечь! – Валентина стояла в дверях, лицо ее без макияжа выглядело моложе и как-то беззащитнее.

– А я... – Оксана развела руками, – должна еще встретиться с... это по работе, нужно кое-что обсудить.

– Ну, раз надо, так надо, – кинула Валентина, и Оксана точно знала, что она не подумала ничего такого.

«Не ходить! – мелькнуло в голове. – Вот не ходить – и все! Попросить у проводника чаю, поболтать с соседкой и лечь спать! Неудобно... надо было сразу отказаться. А так он будет ждать... Черт, как не хочется!»

– Я недолго... – против воли в голосе прозвучали виноватые нотки.

– Не беспокойтесь, я почитаю пока, вас дождусь... – сказала Валентина.

– Я не возьму пальто...

Оксана прихватила сумочку и с порога вернулась за телефоном, что лежал на столике. Вот растяпа, мало ли муж позвонит!

Она долго шла по вагонам, навстречу изредка попадались люди – все мужчины. Один в железнодорожной форме даже сурово поинтересовался, куда это она направляется.

– А что, вагон-ресторан закрыт? – с надеждой спросила Оксана.

– Да нет, почему же, – он понимающе подмигнул, – иди-иди, там народ есть...

Оксане стало противно – ясно, за кого этот тип ее принял. Идет молодая женщина одна в ресторан ночью... Черт дернул ее согласиться на встречу!

И правда, в вагоне-ресторане, несмотря на позднее время, кипела жизнь. Точнее, докипала. В дальнем углу сидела компания мужчин, всего четверо – все мрачные, немногословные, похожие друг на друга. Чуть поодаль сидели еще трое помоложе.

Оксана огляделась. Андрея в обозримом пространстве не наблюдалось. Она взглянула на часы – пришла на три минуты раньше, ох уж эта привычка не опаздывать. А он небось думал, что она придет минут на двадцать позже, вот и не торопится.

Пока она раздумывала, не уйти ли прямо сейчас, подошел официант и воззрился вопросительно.

– Я бы хотела поужинать, – сказала Оксана строго и в глаза ему посмотрела твердо.

– Вы одна? – Этот-то сразу понял, что она действительно пришла поужинать.

– Я жду знакомого.

Он крутанулся на одной ноге и убежал за меню.

Скатерти на столах были несвежие, пахло в ресторане не слишком аппетитно, но все же это был запах еды, от которого у Оксаны в который раз скрутило желудок.

Официант принес два меню. Оксана раскрыла свое, чтобы не сидеть просто так. Список блюд ее не порадовал. Мясного на ночь она решила не есть, вот если рыбу... но возле рыбных блюд стояли какие-то карандашные пометки. Закуски... она же не выпивать сюда пришла, а поесть.

Официант к ней не торопился – видно, ждал, когда придет ее спутник. А вот, кстати... Оксана взглянула на часы, спутник-то опаздывает. Уже прошло десять минут. Ее охватила злость. Ну что за тип, сам так просил ее прийти... Ладно, не уходить же под насмешливым взглядом официанта.

Она помахала рукой.

– Вот это что за иероглифы? – она показала строчки в меню.

– Лосося нету, а треску готовить долго, – отвечал официант, глядя в потолок, – она еще мороженная.

– Так... а курица?

– Не советую, – официант доверительно наклонился, – жирный очень петух... а говядина...

– А говядина вышла на пенсию по возрасту, прежде чем на бойню попасть? – прищурилась Оксана.

– Примерно так, – прохиндей блеснул глазами.

– Ну... вот творожники со сметаной.

– Творожники только на завтрак идут! – снова он возвел глаза к потолку. – И блинчики тоже.

– Ну, хоть чаю можно в этом гадючнике получить? – Оксана невольно повысила голос.

– Чай – это пожалуйста... – смиловился официант, – какой желаете – черный, зеленый, травяной...

– Черный, сахару побольше и булочку...

– Будет сухое пирожное... – сказал официант, очевидно, прочитав это на потолке.

– Валяйте! – Оксана была так зла, что компания за столом в углу могла бы прикуривать от нее сигареты.

Этот негодяй Логинов передумал! Заманил ее в этот вертеп, а сам решил спокойно улечься спать! Ну, это ему даром не пройдет, уж она позаботится, чтобы все его начинания провалились. Отправится в Москву ни с чем. Да еще и Лиде Яковлевой она позвонит и наговорит про него разного. Пускай его уволят!

Сухое пирожное оказалось обычным коржиком, какие давали давным-давно в школьном буфете, Оксана и тогда уже их терпеть не могла. Чай был из пакетика, тот так и плавал в стакане раздувшимся пузырем. Ресторан называется!

Однако чай был горячим и сладким, Оксана пила его не спеша, маленькими глотками, и желудок потихоньку отпускало. Что ж, сейчас она допьет чай и пойдет в свой вагон. Неудобно перед попутчицей – та не спит, ждет ее, чтобы дверь закрыть.

Оксана порылась в кошельке и поискала взглядом официанта, но тот, как назло, куда-то запропастился.

Вдруг поезд резко тряхнуло, где-то вдалеке раздался грохот. Со столиков падали тарелки, бокалы. Оксане пришлось вцепиться в край стола, чтобы не упасть, ее чашка опрокинулась, остатки чая разлились по скатерти. Кто-то вскочил, кто-то закричал. Движение поезда замедлилось, потом, с жутким скрежетом тормозов, он остановился.

* * *

– Что случилось? – спросила Оксана появившегося официанта, но тот только сделал большие глаза и замахал руками, еще больше увеличив нарастающую панику.

– Смотрите, пожар! – вскрикнул мужчина за соседним столиком, отдернув занавеску. На его лице мелькнул красноватый отсвет.

Оксана последовала его примеру – отогнула край занавески и прильнула к окну.

Там, за окном, густая ночная темнота была подсвечена и раскрашена мрачными багровыми сполохами. В этих отсветах проступали кусты вдоль насыпи и убегающий вдаль ночной лес.

Оксана еще плотнее прижалась к стеклу, заглядывая вдоль поезда, туда, где был источник этих отсветов.

Поезд слегка развернулся на плавном повороте, ей были видны уютно светящиеся окна вагонов... но дальше, за несколько вагонов от ресторана, эта светящаяся цепочка была разорвана, там полыхало неистовое багровое пламя, озаряя какие-то чудовищные, хаотически перемешанные обломки горящего, искореженного вагона.

В проходе между столиками появился тот официант, который обслуживал Оксану. Лицо у него было помятое и какое-то опрокинутое. Его останавливали, возбужденно допытывались, что случилось.

– Ничего, ничего... – мямлил он, глядя куда-то в сторону, – вы не тревожьтесь, закусывайте, начальство разберется... только рассчитайтесь на всякий случай, а то как бы чего...

– То есть как это – ничего?! – авторитетным басом прервал его крупный мужчина в темно-сером костюме. – Мы же видим – в поезде пожар, машинист совершил аварийную остановку! Сообщите подробности! В каком вагоне пожар, какие последствия, на сколько времени задержится поезд... я, между прочим, не рядовой человек, имею право знать...

– А я, значит, лох? – выскочил мрачный тип из другого угла ресторана. – Я тоже имею право! Мы все имеем право! А то, видишь ли, рассчитаться мы должны, а знать нам ничего не положено!..

– Не мучьте меня! – взмолился официант. – Я человек маленький, мне лишнего болтать не велено... – Он безнадежно махнул рукой и ретировался в подсобку.

– СВ! – послышался визгливый женский голос. – Это СВ горит!

Оксана вскочила, подброшенная беспокойством, бросила на стол деньги и направилась к выходу.

Однако в дверях вагона-ресторана ее остановил мужчина средних лет с неприветливым скользким взглядом.

– Вы куда это? – осведомился он, пристально оглядев Оксану.

– Не беспокойтесь, деньги я положила на стол! – ответила она неприязненно. – Хотя ужином это назвать нельзя...

– Я не сомневаюсь, что положили! – заверил ее скользкий тип. – У нас поезд приличный, у нас иного-прочего не бывает. Только вы пока лучше посидите, отдохните.

– С чего это? – завелась Оксана. – С чего мне отдыхать? Я в СВ еду!

– Уже не едете! – рявкнул тип. – Горит СВ! Так что сиди здесь и не мешайся под ногами!

Он поднял руку, и Оксане показалось, что этот тип сейчас ее ударит. Она попятилась и буквально упала на стул.

Поезд окончательно остановился. В окно были видны люди, прыгающие из дверей прямо на насыпь. Вот беззвучно полопались стекла и повалил изнутри густой дым. Оксана вздрогнула, представив, что там сейчас творится – черно от дыма, жар, копоть, люди мечутся в панике...

Скользкого неприятного типа кто-то позвал, и он на минуту отошел от дверей, Оксана тихонько проскользнула мимо. Никто ее не удерживал.

Она пробежала несколько вагонов, проталкиваясь между взволнованными полуодетыми пассажирами, никто ничего не знал, все были в панике. Так она достигла последнего вагона перед СВ, это был обычный купейный. Заплаканная проводница в криво застегнутой тужурке заступила Оксане дорогу.

– Стойте, нельзя туда!

Оксана и сама поняла, что нельзя.

Поезд стоял. В вагоне были открыты купе, из них выглядывали растерянные заспанные люди. Пахло дымом и еще чем-то противным, химическим.

– Сволочи, обили вагон пластмассой, она как порох вспыхивает, – с ненавистью гудел крупный мужчина в одних брюках со свисающими подтяжками, – сгорим тут все, как крысы...

– Не болтай лишнего, – откликнулся пожилой железнодорожник, протискиваясь мимо. На лице его была густая копоть, рукав тужурки разорван. – Ежели бы там пластмасса была, уже весь поезд запылал бы. А так один вагон всего выгорел, да и то не весь. Еще хорошо, что народу немного в СВ то...

– Им все хорошо! – не унимался тип в подтяжках. – С чего пожар-то случился?

– А я знаю? – огрызнулся проводник. – Надо думать, курил кто в постели, да и заснул...

– Ага, а рвануло почему? – с подозрением спросил мужчина. – Ты идиотов то из нас не делай, мы все слышали. Террористы это, вот что я вам скажу! Там, в СВ этом, большие шишки ездят!

– Болтаешь больно много, – осуждающе сказал проводник, – хуже бабы...

– Коля, да иди же ты оденься! – позвал из купе нервный женский голос. – Да и вещи надо собрать!

На пороге появилась растрепанная женщина в расстегнутой кофточке и утянула мужа назад.

– Вот тебе и СВ, – протянул кто-то. И закончил традиционно: – Богатые тоже плачут...

Оксана устремила к проводнику и тронула его за рукав.

– Что там случилось? Есть жертвы? Я не просто так спрашиваю, – заторопилась она, видя, что он нахмурился и пошлет ее сейчас подальше, – я там ехала, в пятом купе...

– А а... – В его глазах проступило узнавание, и она вспомнила, что встретила этого человека, когда шла в вагон-ресторан. Он еще подмигнул ей. Господи, как давно это было!

– В пятом купе, говоришь? – проводник помрачнел еще больше. – Повезло тебе, девушка. Пятое купе дотла выгорело. И соседние два тоже. Никто оттуда не спасся. Так что как приедешь в Питер, самую большую свечку Богу поставь, спас он тебя, вот что...

Он отвернулся и пошел по коридору в соседний вагон, Оксана же осталась стоять парализованная... Она прислонилась к стене, ее толкали проходившие мимо, но в голове металась лишь одна мысль: если бы она не пошла в вагон-ресторан, сейчас ее не было бы на свете. Бедная Валентина, такая приятная женщина! Какая ужасная смерть!

Снова из соседнего сгоревшего вагона потянуло химической гарью и еще чем-то отвратительным. Оксана с ужасом сообразила, что так пахнет горелая человеческая плоть. Ее затошнило. Дверь вагона была открыта – какие-то люди сновали туда-сюда. С улицы тянуло свежестью, и Оксана шагнула туда, прямо в открытую дверь.

Она непременно упала бы прямо на насыпь, если бы ее не подхватили сильные руки.

– Осторожнее! – крикнул кто-то. – Так и ноги поломаете!

Какой-то мужчина помог ей утвердиться на ногах, она равнодушно отмахнулась и побрела в сторону, где ее вытошнило прямо на покрытую копотью землю.

Стало немного легче. Прошла головная боль, исчез тугой комок, стоявший под горлом.

Оксана огляделась по сторонам.

Поезд стоял. Вокруг не было ни огонька, ни намека на человеческое жилье, только чахлые кусты с остатками листьев жались к насыпи да вдали виднелся лес, к которому уходила линия передачи. Огня не было видно, только едко пахло дымом и летали вокруг хлопья сажи, как хлопья черного снега. Уцелевшие пассажиры СВ сгрудились чуть в стороне. Кто-то сидел на чемодане, кто-то – на бревне, одна женщина громко стонала, прижимая к груди распухшую левую руку, ее муж топтался рядом и монотонно, на одной ноте повторял:

– Люся... Люся... ну Люся...

Солидный мужчина прижимал платок к щеке, тщетно стараясь остановить кровь из глубокой царапины, его светлый плащ был вымазан глиной. Скромно одетый старик жутко кашлял, очевидно, надышался ядовитым дымом. Оксана смотрела издали, ей казалось, что все, что она видит, ненастоящее. Такого не могло случиться! То есть могло, но только не с ней!

Напрасно искала она среди пассажиров женщину в бежевом пальто – довольную жизнью, уверенную в себе... Не было и того начальственного мужчины... как его... Туманов, Арсений Туманов. И его охранника тоже не было. Как сказал тот пожилой проводник? Пятое купе выгорело полностью, и два соседних...

Послышался детский плач, девочка в розовом грязном пальтишке рыдала навзрыд:

– Мишка, мой мишка!

– Маша! – склонялась к ней мать. – Ну перестань! Тут такое творится. Ну, купим нового мишку, как приедем!

– Я хочу этого! – Девочка вырвалась и побежала с плачем вдоль поезда. Ее мать бесильно опустила руки.

Оксану забила крупная дрожь, ноги подкосились, как ватные, и она опустилась бы прямо на грязную землю, если бы не тот мужчина, что один раз уже не дал ей упасть. Он схватил Оксану за плечи и встряхнул, как тряпичную куклу.

– Ну-ну, не надо падать в обморок, это не ко времени.

Оксана подняла голову и посмотрела на него. У нее ничего не получилось, перед глазами стояла густая серая пелена. Сильные руки потащили ее к остальным погорельцам.

По дороге Оксана пришла в себя и вяло попыталась освободиться. Мужчина в длинном светлом плаще вытащил из кармана плоскую металлическую фляжку и пытался смочить окровавленный платок. Оксанин спутник довольно бесцеремонно выхватил у него из рук фляжку и протянул девушке.

– Выпейте!

Она помотала головой, но он почти силой влил в нее несколько глотков. Огненная жидкость обожгла пищевод, однако серая пелена перед глазами исчезла.

– Ну? – спросили Оксану. – На ногах держитесь?

– Держусь, можете меня отпустить, – сухо ответила она.

Окружающие предметы приобрели четкость, однако дрожь не прошла. Тогда тот человек предложил ей свою куртку.

– Не надо, – решительно отказалась она, – здесь холодно.

– Вы правы. – Он метнулся куда-то вбок и принес простую дорожную сумку, откуда достал серую «полярку» с капюшоном.

– Она чистая, – улыбнулся он, – берите.

– Вы и вещи сумели вынести? – удивилась Оксана.

– Да, мое купе было с краю... – он выразительно помолчал, – а вы как выбрались?

– Я могу получить назад свою фляжку? – удивительно вежливо для такого случая поинтересовался мужчина в светлом плаще.

Оксанин собеседник отвлекся, избавив ее таким образом от ответа.

Появился начальник поезда – коренастый мужчина с мрачно сдвинутыми бровями.

– Все на месте? – обратился он к парню в милицейской форме, отиравшемуся возле пассажиров.

– Все, кроме тех, шестерых! – отрапортовал тот и кивнул в сторону сторовшего вагона.

– Должно быть двенадцать, а тут сколько? – еще больше нахмурился начальник.

– Да расползаются они... – вздохнул парень, – женщину беременную вон в четвертый вагон позвали, девчонка тоже куда-то делась...

И правда, только что были мама с дочкой – и вот уже нету, проводница соседнего вагона поманила их и посадила на свободное место.

– Ты куда смотрел? Мне же полный отчет нужен! – разъярился начальник.

– Может, хватит уже людей на холоде держать? – спросил солидным басом один из пассажиров.

К нему жалась высокая блондинка. Девушка была интересная, только сейчас не в лучшей форме – волосы растрепаны, макияж размазан. Про этих двоих все было ясно.

Начальник поезда, который раньше не обращал внимания на пострадавших пассажиров, теперь круто развернулся и в упор посмотрел на говорившего. Очевидно, его вид вызвал у начальника если не уважение, то некоторые опасения. В самом деле, непростые люди ездят в СВ, могут и неприятности устроить. А у него, начальника, и так теперь будет неприятностей выше крыши.

– Врача нашли? – встрял тут Оксанин спутник. – Женщине совсем плохо.

Пострадавшая женщина стала мертвенно-зеленого цвета, она мерно раскачивалась и уже не стонала, а подвывала. Муж ее все так же бестолково топтался рядом и повторял:

– Люся... Люся... Ну, Люся...

– Объявили по громкой связи, – буркнул начальник, – идет кто-то...

И в самом деле, прибежал откуда-то шустрый невысокий мужичок с узкими, чуть раскосыми глазами, устремился к стонущей женщине, но та прижала руку к груди и замотала головой.

– Люся, – снова завел свое муж, – ну, Люся...

– Ну-ну... – успокаивающе сказал врач, взял женщину за подбородок и посмотрел в глаза. Под его взглядом она отпустила руку, и та безвольно упала.

– Посмотрим... – сказал врач.

– Это перелом? – ожил муж. – Открытый или закрытый?

– Угу... – пробормотал врач, – в сторонку отойдите, и так темно... Подержи-ка ее! – обратился он к спутнику Оксаны, совершенно верно посчитав мужа неспособным выполнить такое простое действие, затем примерился и сильно дернул.

Женщина взвыла по-звериному, муж ее вскинулся было на помощь, но так и остался стоять.

– Ничего-ничего... – сказал доктор, – это вывих был, теперь все будет в порядке...

Женщина подняла голову и обвела всех изумленными глазами.

– Не болит... – сказала она.

– Люся! – подскочил муж. – Ну, Люся...

– Ой, да отстань ты! – счастливо засмеялась она. – Все Люся да Люся...

– Аптечку неси, кулема! – рявкнул доктор расхристанной простоволосой проводнице.

Начальник в стороне разговаривал по рации. Потом крикнул повелительно, и тут же подошел к нему тот самый немолодой железнодорожник, которого Оксана посчитала проводником, а оказался он бригадиром.

– Ну что, Васильич? – требовательно спросил начальник. – Чего делать-то будем? МЧС я вызвал, да когда они еще подъедут...

– Можно бы и ехать потихоньку... – осторожно ответил Васильич. – Чего тут попусту стоять. Скоро тридцать четвертый скорый подойдет, а путь занят. До Твери дотянем, вроде бы в ходовой части повреждений нету, ребята проверили... Если без разгону... А там уж разбираться станем...

– Ох, лихо! – вздохнул начальник. – Сообщу куда следует, может, разрешат продолжить движение... Вы чего это здесь? – он подозрительно уставился на Оксану.

Она отошла к остальным.

Доктор обработал рану мужчине в светлом плаще, потом заклеил ее пластырем и оглядел пассажиров.

– Ну? Кто следующий?

Интересная блондинка вдруг покачнулась и зарыдала. Солидный ее спутник в испуге уставился на доктора. Тот подошел и, не примериваясь, шлепнул блондинку по щеке.

– Рехнулся? – спросила она вполне человеческим голосом. – Синяки же будут!

– Отец, – обратился доктор к кашляющему старику, – только валерьянки могу дать, ничего у них тут больше нету.

Тот, не отвечая, отмахнулся – отдышусь, мол, ничего не надо.

– Долго нас тут будут морозить? – блондинка набросилась на парня в милицейской форме. – Высадили в поле...

– И то верно... – зашумели остальные, – хоть вещи взять...

– Граждане, соблюдайте спокойствие! – сказал начальник. – Сейчас расселим всех по остальным вагонам. В четвертом есть свободное купе, еще отдельные места кое-где. За вещами пока нельзя. СВ будет опечатан, там ничего нельзя трогать. В Твери будет остановка, там компетентные органы разберутся.

Оксана не помнила, как доехали они до Твери. Они оказались в купе со стариком, что едва успокоился от кашля, и с тем самым мужчиной, что дал ей «полярку».

В Твери они так и держались вместе. Сгоревший вагон отцепили, поезд пошел дальше, пассажиров СВ собрали в здании вокзала.

– Продержат теперь... – вздыхал старик, которого звали Андрей Михайлович, – а у меня лекция, люди понапрасну придут...

Прибыли люди в погонах, долго совещались между собой, потом начали опрашивать пассажиров. Оксана рассказала все как есть, предъявила билет и паспорт.

– Пятое, говорите, купе? – Ей показалось, что все удивились и смотрят на нее в испуге.

– Ну да, я выходила в вагон-ресторан...

– Когда это было? – мужчина с погонями майора милиции пристально поглядел ей в глаза.

– Ну... почти сразу... мы договорились встретиться через сорок минут... Валентина, соседка моя, она сказала, что спать не будет... как же она не смогла выскочить...

– Вы были знакомы?

– Нет, в поезде познакомились...

Майор задал еще много вопросов – видела ли она пассажиров соседних купе, кого встретила, идя в вагон-ресторан, и так далее. Оксана на все вопросы отвечала честно и подробно, что видела Туманова с охранником и еще столкнулась при входе с женщиной и ребенком, вон они сидят.

Девочка умаялась и спала у матери на руках, изредка всхлипывая во сне, очевидно, сокрушалась по своему медведю.

Допросы продолжались долго, люди и так-то были не в лучшей форме, а теперь и вовсе расклеились. Милиция, однако, не обращала внимания на возмущенные возгласы, только заспанная тетка в несвежем белом фартуке принесла чаю и печенья.

Женщина в положении вела себя спокойно, в разговоры ни с кем не вступала, сидела с закрытыми глазами. Вид у нее был утомленный, так что люди из полиции не слишком усердствовали с вопросами.

Наконец тот самый начальственный мужчина, которого сопровождала блондинка, дозвонился куда-то и удовлетворенно кивнул.

– Дело сдвинулось, – сказал он вполголоса, – подключились серьезные структуры, сейчас этим пентюхам мало не покажется.

Дело, однако, сдвинулось не скоро. Тем не менее пассажиров больше не мучили и посадили в проезжающий поезд. Оксана согласилась на простой плацкартный вагон, ей было все равно. Несколько пассажиров последовали ее примеру.

В вагоне все спали.

– Нам сюда, – сказал мужской голос, и Оксана с изумлением узнала того самого человека, который опекал ее с самого начала – куртку дал, коньяком напоил. Он так и держался с ней рядом, а теперь залез наверх и затих. Оксана упала на нижнюю полку и провалилась в тяжелый сон.

Разбудило ее осторожное прикосновение.

– Приехали, – сказал ее попутчик, – скоро город. Я на вас очередь в туалет занял. И вот, возьмите... – вместо полотенца он протягивал ей чистый носовой платок.

Спали они без постельного белья, так что полотенца не полагалось. Оксана взяла платок, забыв поблагодарить. Когда она вернулась – причесанная и умытая, попутчик разговаривал по мобильному телефону. Она тоже вспомнила, что нужно позвонить мужу – пускай встретит ее на вокзале, ей же не в чем идти, пальто сгорело. Однако ее телефон молчал – разрядился. Странно, вроде бы заряжала перед отъездом...

– Не разрешите позвонить? – спросила она попутчика, как же его звать... вроде бы он представлялся...

Она набрала городской номер своей квартиры, но никто не брал трубку. Странно, десятый час, муж должен быть дома. Ушел пораньше? Все может быть.

Она начала набирать его мобильный, но поняла, что не помнит номера. Был в голове и испарился! Черт, вот некстати напала на нее такая забывчивость!

– Это от стресса... – улыбнулся попутчик, и она впервые посмотрела на него внимательно. Вроде бы всю ночь они рядом, а она не помнит ни его лица, ни имени. Неудобно...

– Вы правы... – вздохнула Оксана, – голова не на месте.

Поезд прибыл.

– Мне бы такси, – сказала Оксана, с тоской глядя на толпу бойких мужичков с жуликоватыми глазами, встречающих пассажиров неизменными словами:

– Такси недорого, такси недорого...

Это была явная ложь, рассчитанная на приезжих лохов, каковые, впрочем, из Москвы не приезжают. А местные и подавно знают, что эти сдерут семь шкур, а стоит только покинуть здание вокзала и перейти площадь, любой левак довезет в три раза дешевле.

Ее спутник отмахнулся от нагловатых типов и потянул Оксану к выходу.

– Я вызвал такси, – сказал он, осматриваясь, – кажется, вон та машина, серый «Опель»...

Машина оказалась та самая, водитель несколько не удивился, что Оксана с поезда и без багажа – значит, уже знает.

Оксана подвинулась на заднем сиденье, давая место своему спутнику (как же все-таки его зовут...), но он захлопнул дверцу и махнул рукой – езжайте, мол. Оксана дала водителю адрес и закрыла глаза, чтобы не приставали с сочувственными разговорами. Пускай водитель думает, что она спит.

Она и вправду впала в забытие. Побежали перед глазами придорожные кусты, скупо освещаемые мечущимся светом из вагонов. Промелькнула одинокая платформа, затем потянулся лес, чуть отступающий от насыпи. Стукнула дверь купе, и раздался женский голос:

– Я уже пришла...

Оксана вздрогнула и осознала себя на заднем сиденье машины.

– Приехали, – сказал водитель, – вон ваш дом.

– Чуть вперед поезжайте... – попросила Оксана, ей не хотелось идти к своему подъезду через весь двор. Там наверняка сейчас полно народу – бабушки вышли на прогулку, мамыши с детьми, дворник... Все узнают, что она возвращается утром в ужасном виде. Оксане не хотелось никому ничего объяснять, поэтому она решила пройти через соседний двор под арку, а там сразу ее подъезд.

Она накинула на голову капюшон «полярки» и только сейчас спохватилась, что так и не отдала ее хозяину. Как неудобно получилось...

Без встречи не обошлось. Под самой аркой она столкнулась с соседом. Собственно, она не знала, где он живет, точно только, что в ее доме. Они сталкивались обычно по утрам, когда он прогуливал свою собаку – среднего черного пуделя. И едва кивали друг другу.

Черт, двенадцатый час, а он не на работе! Вот угораздило столкнуться! Оксана низко наклонила голову и сделала вид, что его не заметила. Но проклятый пудель кинулся под ноги и даже тявкнул. Мужчина воззрился на нее в удивлении – узнал, значит.

Было в его взгляде что-то такое... вообще он был Оксане неприятен – бросит взгляд исподтишка и сразу отведет, как будто боится чего-то. Глаза какие-то бесцветные, водянистые, ничего не выражают. Прошепчет едва слышно «здравствуйте» и заторопится мимо пройти, пуделя своего раздраженно дернет за поводок. Хоть бы пялился, как обычный наглец, – с такими все ясно. А этого не поймешь, что за человек. Собаку свою не любит, это точно – никогда с поводка не спустит, а один раз Оксана видела, даже ногой пнул.

Да и черт с ними со всеми!

* * *

Сентября четырнадцатого дня лета от Рождества Господнего тысяча пятьсот тридцать второго перед воротами города Нойбаха в Верхних прирейнских землях появилась необычная процессия. Впереди выступали двадцать ландскнехтов в помятых шлемах и кирасах, за ними ехал запряженный двумя косматыми лошадками возок, нагруженный странными и подозрительными предметами, на облучке этого возка рядом с возницей сидел мрачный одноглазый мужчина с огромными волосатыми руками и низким тяжелым лбом. За этим возком следовала крытая повозка, замыкали же процессию еще четыре ландскнехта.

Городской привратник выбежал навстречу процессии, на ходу прицепляя перевязь с мечом, и закричал с несомненным испугом:

– Кто такие? По какому делу?

Капитан ландскнехтов зыркнул на стражника с крайним неудовольствием и проговорил с сильным баварским акцентом:

– Его преподобие смиренный брат Бернар Ги, с поручением и разрешением Его Святейшества! Немедля доложи епископу!

– Инквизитор?! – вскрикнул привратник в неподдельном испуге и помчался предупредить начальника караула.

Мрачная процессия миновала ворота, двинулась по узким улицам города к центральной площади, и на ее пути захлопывались окна и закрывались двери, как будто по городу пронесся вихрь. Наконец процессия остановилась на мощенной булыжником площади, между собором и домом епископа. Сам епископ, которому уже успели доложить о прибытии инквизитора, стоял на крыльце своего дома, сложив руки на животе, с выражением высокомерия и плохо скрытого испуга. Один из ландскнехтов откинул полог крытой повозки. Оттуда прыгнула на землю большая черная собака в кожаном ошейнике, подбежала к епископскому крыльцу и подняла лапу на коновязь.

– Устыдись деяния своего, Милорд! – раздался из повозки низкий гнусавый голос, и вслед за собакой на землю спустился сутулый монах в грубом коричневом плаще с капюшоном, горбоносый, с маленькими пронзительными глазками и длинными черными волосами, обрамляющими аккуратно выбритую тонзуру.

– Приветствую тебя, почтенный брат Бернар! – с достоинством проговорил епископ и спустился еще на одну ступеньку. – Что привело тебя в наши глухие края?

– Привет и вам, Ваше Преосвященство! – ответил монах и, подойдя к епископу, смиренно коснулся губами перстня на его руке. – Меня привело к вам поручение Его Святейшества, денно и ночно пекущегося о благочестии своей паствы, и стремление искоренить ересь во всех ее отвратительных проявлениях!

Отступив на шаг, инквизитор повернулся к своей повозке и строго проговорил:

– Брат Мартин, исполни свою обязанность!

Из повозки тотчас же выскользнул худой долговязый монах с белым, как непропеченное тесто, лицом. В одной его руке был лист пергамента, в другой – молоток. Из рта его торчали несколько гвоздей.

Подойдя к церковным дверям, он быстро и ловко приколотил к ним пергамент, отступил, любуясь своей работой, и прочел неожиданно громким и звучным голосом:

– Мы, имеющие на то милостивое соизволение и поручение Его Святейшества, наместника Христова на земле Павла Третьего, и с разрешения Его Высокопреосвященства Архиепископа Пфальцского Антония, смиренный и ничтожный брат святого ордена доминиканцев инквизитор Бернар, побуждаемый жаждой поддержать в чистоте святую католическую веру и уберечь наш богобоязненный народ от всяческой еретической заразы и заблуждения, в силу власти, которой мы облечены, приказываем и повелеваем, во имя повиновения святой католической церкви и под страхом отлучения от нее, чтобы всякий, кто знает или слышал о ком-либо, что тот предается колдовству или волхвованию, или другой вредоносной ереси, что он употребляет тайные и недозволенные средства, дабы вредить людям, животным или посевам, наводя на них грозу или град, либо другими способами, чтобы всякий сей же час донес нам о таком еретике, если же он в течение двенадцати дней не подчинится нашему милостивому приказу, пусть он знает, что сам, как еретик и грешник, подлежит отлучению от Церкви и преданию суду. Дано сентября четырнадцатого дня в городе Нойбахе.

– *Всей душой сочувствую твоей заботе о чистоте католической веры, брат Бернар, – проговорил епископ, пожевав губами. – Однако в моем городе, слава Господу нашему, слухом не слыхано ни о какой ереси, а тем паче о колдовстве. Паства у меня богобоязненная и послушная, люди простые и добропорядочные...*

– *Рад слышать эти слова, – ответил инквизитор, но на лице его не было радости. – Однако смею возразить, Ваше Преосвященство. Мы с вами живем в такое трудное время, когда на земле множится число еретиков и вероотступников. Ежели вам неизвестны случаи ереси и ведовства, это может свидетельствовать лишь о том, как ловко скрываются и прячутся эти волки в овечьей шкуре. Не далее как в прошлом году посетил я город Вестербрюк в Баварии. На первый взгляд там тоже все были богобоязненны и преданы Церкви, однако стоило нам начать следствие, как были выявлены десятки ведьм и знахарей. Под пыткой они сознавались в столь страшных преступлениях, что не хватает человеческих слов для их описания! Сношения с дьяволом, колдовство и волхование, причинение ущерба людям и посевам – всего не перечислить! В итоге шестьдесят восемь человек были приговорены к сожжению... страшное время, Ваше Преосвященство! Враг человеческий хитер и коварен, он скрывается под сотнями обличей, но мы, доминиканцы, псы Господни, денно и нощно боремся с его происками! Никто не ускользнет от нас!*

– *Похвально, весьма похвально! – протянул епископ без удовольствия. – Не изволишь ли откушать со мною, брат Бернар?*

– *Непременно, Ваше Преосвященство! Путь мой был трудным и утомительным, хотя мои силы поддерживала вера. Надеюсь, у вас найдется постная пища...*

– *Несомненно, брат Бернар, несомненно!*

– *И пусть ваши люди позаботятся о моих спутниках.*

– *Долго ли вы намереваетесь пробыть в нашем городе?*

– *Как пойдут дела, Ваше Преосвященство. Неисчислимы козни Дьявола, и неисповедимы пути Господни!*

* * *

Оксана открыла дверь своей квартиры и в изнеможении опустилась на пуфик у дверей.

В квартире было пусто. Она сбросила сапоги и босиком пошла на кухню. Грязная посуда киснет в раковине, на столе крошки, на плите – жирная сковородка. В гостиной ковер лежит криво, на столе пыль, на диване брошена раскрытая книга, на полу – огрызок яблока.

Подступило привычное раздражение. Всего-то не было ее дома одни сутки, а муж умудрился устроить такое безобразие.

Удивительно, что кровать в спальне оказалась застелена и чашка с недопитым чаем не стоит на тумбочке. Зато полшкафа одежды выворочено на стулья. Тут уж ничего странного – муж всегда так собирается на работу. В свое время Оксана пыталась приучить его к порядку, но он называл ее занудой и нарочно разбрасывал вещи. Ну, уж сегодня-то она не станет за ним убирать – времени нет.

Она приняла горячий душ, сразу стало легче. Затем наскоро навела макияж, чтобы замазать темные круги под глазами, и решила, что не уйдет из дома, пока не поест по-человечески. Хватит с нее чая, кофе и черствых булочек!

Однако легко сказать, а трудно сделать. В холодильнике обнаружилось одно яйцо, пакет начинающего подкисать молока и две сосиски далеко не первой свежести. Понюхав их, Оксана решила, что в пищу они не годятся.

Булка была черствая, сыра не было вообще. В морозилке одиноко мерз пакет фарша – для данного случая вещь совершенно бесполезная. Оксана рада была бы сейчас обычным пельменям, но их не имелось. Да когда же он умудрился все съесть? Ведь вроде бы перед

отъездом она что-то покупала. Хотя нет, Оксана вспомнила, что как раз не успела и просила мужа съездить в супермаркет.

Стало быть, не съездил. И где он болтался, интересно знать?

Но мысль эта тут же выветрилась у нее из головы как несвоевременная. В буфете нашлось немного муки и банка малинового варенья – то ли мама сунула когда-то давно, то ли еще кто принес. Свекровь точно не могла – ее сыночек терпеть не мог малину из-за косточек. Что ж, все к лучшему.

Оксана мигом заболтала яйцо с молоком, добавила муки, и через несколько минут на сковородке жарились оладушки.

После сытного завтрака она осоловела. Мелькнула мысль позвонить на работу и сказать больной. Дескать, стресс у нее, нервы не в порядке, упадок сил, и работать совершенно не вмоготу. А что? Все это правда.

Но чувство долга взяло верх, и она потащилась в издательство, предварительно поставив на зарядку бесполезный мобильник.

* * *

На работе уже все знали. Секретарша Леночка, что заказывала ей билет, сопоставила даты и растрепала всему коллективу, что Оксана Николаевна пропала, потому что ее мобильник не отвечает, а ехала она в том же самом несчастном поезде, где случился пожар.

Поэтому охранник на входе поглядел на Оксану как на восставшую из гроба, а дура Ленка в приемной вскочила со стула и побежала по коридору, стуча каблуками и крича: «Она жива, она жива!»

Даже директор выскочил из кабинета. В общем, Оксане устроили овацию и затребовали подробностей.

Когда она пересказывала все случившееся в третий раз, директор крикнул, чтобы прекратили бесноваться и разошлись по рабочим местам. Оксана зашла к нему и отчиталась о поездке. Они поговорили немного, после чего началась обычная круговерть.

Прибежала заплаканная Аня из отдела пиара, у них назначена на послезавтра презентация книги, а типография задерживает тираж. И что тогда презентовать? Журналисты придут...

При виде ее Оксана вспомнила о вчерашней встрече.

– Слушай, а Логинов пришел? – спросила она.

– Какой Логинов? – отмахнулась Аня. – Ты понимаешь, что послезавтра будет полная катастрофа? Стольких людей собрали с большим трудом, а книги нет!

– Оксана, разберись! – рявкнул неслышно подошедший директор.

Потом прорвался к ней нервный автор, который поссорился с художником насчет обложки. Потом выяснилось, что другой, топовый автор, никак не сможет сдать рукопись к сроку. И Оксана просила, убеждала, входила в положение, грозила штрафными санкциями, мирила спорщиков, умоляла типографских пойти навстречу, и закончилось все это около семи часов вечера, когда директор давно уехал домой, да и все издательство опустело.

Оксана тяжело вздохнула и тоже побрела восвояси. На улице шел дождь, машина ее была в ремонте, так что пришлось тащиться на общественном транспорте.

Дома уютно горел свет, было слегка прибрано и пахло пирогами. Такая метаморфоза объяснялась очень просто: в гости нежданно-негаданно заявила свекровь. Собственно, ничего удивительного, ей хотелось узнать подробности пожара. Надо отдать ей должное: свекровь никогда не приходила с пустыми руками. То пирог с рыбой притащит, то холодца лоточек, то буженину домашнюю. И все свое, с пылу с жару. Готовила она по старинке – много, жирно и сытно, начинала с нуля, даже фарша никогда не покупала – крутила мясо на

обычной мясорубке, электрическая ее не устраивала. И слово «полуфабрикаты» в ее лексиконе было самым ругательным.

Сегодня были пироги с капустой и с яблоками, а еще целая миска круто зажаренных котлет с чесноком и перцем.

Удивляло не это, а то, что свекровь сумела заставить своего сыночка прибраться в квартире. Ведь может же, когда хочет!

– Оксаночка! – свекровь всплеснула руками. – Ну как же так вышло?

Оксана взглядела в ее лицо. Вроде бы не врет, искренне волнуется за нее. Ну, надо человека порадовать, рассказать все в подробностях. Господи, как они все надоели!

В прихожую выглянул муж.

– Санка, ты как?

– Как видишь, – нахмурилась она, – мог и позвонить, поинтересоваться.

– А у тебя мобильник не отвечает, – тут же начал выговаривать Максим, – а я звонил в издательство, там сказали, что ты занята...

Оксана вспомнила, что и правда прибегала Ленка и что-то говорила, но она тогда только отмахнулась – уйди с глаз моих, некогда...

– И сама бы могла звякнуть, – муж смотрел теперь обиженно, – знаешь, что я волнуюсь.

– У меня телефон сел... – начала было Оксана, но тут же опомнилась. Как он умеет всегда так повернуть разговор, что она чувствует себя виноватой. Даже в данном случае. – А я, между прочим, чуть не сгорела, – огрызнулась она, – вот помру, ты тоже будешь ждать моего звонка?

– Ужинать, ужинать! – пропела свекровь. – Пока горячее!

Переодеваясь, Оксана увидела, что мобильник заряжен. Она нажала кнопки пин-кода, но ничего не вышло.

– Ты скоро? – в спальню заглянул муж. – Все стынет...

– Сейчас! – отмахнулась она и снова набрала пин-код. Неверный. Да что еще такое? Сломался телефон, что ли?

За ужином Оксана долго пересказывала все, что случилось ночью, а свекровь ахала и прижимала руки к могучей груди. Но пироги были вкусные.

– Это судьба, – сказала свекровь перед уходом, – слышали? – И посмотрела почему-то на своего сына. – Надо свою жизнь пересмотреть и Богу свечку поставить!

– Угу, – промычала Оксана, ей безумно хотелось спать.

– Сама поставлю! – пообещала свекровь. – И Николаю-угоднику тоже!

Муж повез свекровь домой, а Оксана из последних сил потащилась в ванную. Когда-то мама приучала свою дочку расчесывать перед сном волосы сто раз. Сто не сто, но сколько-то раз Оксана проводила по волосам каждый вечер. И волосы, обрадованные свободой, струились по плечам тяжелой волной.

* * *

– Милорд, ну потерпи ты немного! – Хозяин прикрепил поводок к ошейнику, застегнул плащ, нахлобучил кепку и крикнул в глубину квартиры: – Мы ненадолго!

– Купи по дороге молока! – отозвалась из кухни жена.

– Ладно!

Черный пудель вылетел из подъезда, натянул поводок, устремившись навстречу волнующим запахам, наполняющим большой проходной двор. Он хотел обследовать каждый камень, каждый угол, каждую тумбу, возле которой останавливались знакомые собаки, но хозяин не торопился спускать его с поводка. И вообще, вместо того чтобы вести пуделя на любимую площадку, он поволок его во второй двор, где не было ничего интересного.

И даже когда из подвального окошка выбрался драный бывалый кот и пудель, радостно взлаяв, бросился в атаку – хозяин укоротил поводок и потащил пса к подъезду в дальнем углу двора.

Что за странный человек? Нет чтобы погулять самому и подарить пять минут свободы своему любимцу – он который день подряд тащит его в этот дурацкий подъезд!

Пудель понял, что полноценной прогулки опять не получится, и поспешно сделал свои неотложные дела.

Мужчина остановился перед железной дверью и набрал на домофоне номер самой верхней квартиры.

Там, на седьмом этаже, были мастерские художников, у которых вечно толпился народ. Художники и коллекционеры, натурщицы и журналисты, искусствоведы и случайные посетители мастерских плохо знали друг друга и поэтому открывали дверь кому попало.

Вот и сейчас из динамика донесся нетрезвый голос:

– Это ты, Шура? Водки принес?

Мужчина пробормотал в ответ что-то неопределенное, замок щелкнул, и дверь открылась. Мужчина пропустил пуделя вперед, вошел следом за ним в подъезд и закрыл за собой дверь.

Лестница была крутая, полутемная, но впереди его ждало то, ради чего он готов был подняться не на семь, а на семьдесят этажей.

До четвертого этажа пудель послушно бежал за хозяином, но потом он начал показывать признаки утомления – отставал, норовил задержаться на каждой площадке, натягивал поводок.

– Милорд, ну, еще немного! – подбодрил его хозяин.

Пес взглянул в ответ очень выразительно – когда я хотел погулять, ты мне этого не позволил, почему же теперь я должен идти навстречу твоим желаниям?

Хозяин взглянул на часы.

Времени оставалось совсем немного, так что капризы пуделя были недопустимы.

Тут наверху хлопнула дверь, послышались чьи-то спускающиеся шаги, и мужчина решил просто и радикально решить оба вопроса: он подхватил пуделя под мышку, поднял воротник плаща, сгорбился и побрел наверх. Когда впереди показался спускающийся человек, он еще глубже надвинул на глаза козырек кепки и отвернулся к стене, чтобы не встретиться глазами с незнакомцем.

Впрочем, на лестнице было почти темно, так что вряд ли тот его запомнит.

Вот и седьмой этаж.

Из-за приоткрытой двери мастерской доносились громкие голоса, взрывы смеха. Мужчина проскользнул мимо, поднялся еще на несколько ступеней и оказался перед небольшой металлической дверью, на которой висел допотопный амбарный замок.

Мужчина был здесь уже не первый раз и знал, что замок исполняет чисто декоративную функцию. Он снял его с дужки и осторожно, стараясь не слишком громко скрипеть, открыл железную дверь.

За этой дверью был чердак, заваленный грудami никчемной рухляди.

Старые ломаные оконные рамы, пустые ящики и коробки, матрас с торчащими во все стороны пружинами, детский трехколесный велосипед без одного колеса, станина от старинной швейной машинки, битые стекла, доски и просто мусор – все это заполняло чердак сплошным слоем.

Пудель оживился: здесь можно было поиграть, пока хозяин занимается своими непонятными делами. Он углядел в углу рваный резиновый мячик и потянулся за ним, натянув поводок, но хозяин снова строго прикрикнул на него, и пес удовольствовался красной клизмой.

Мужчина осторожно шагал по разъезжающейся гряде мусора.

Он был здесь уже не первый раз и нашел среди этого хлама относительно безопасный проход, но приходилось спешить: оставалось всего пять минут до начала.

Он перешагнул через ржавую батарею, поскользнулся на стопке школьных тетрадей, с трудом удержал равновесие. Под ногой оказалось что-то отвратительно мягкое, податливое. Скосив глаза, он увидел, что наступил на дохлого голубя.

Преодолев брезгливость, отшвырнул голубя носком ботинка, пробрался к стене, сделал еще несколько шагов и наконец оказался возле разбитого окошка. Стекол в нем давно не было, из окна тянуло промозглой осенней сыростью, но это не имело никакого значения: он добрался, дошел, он успел вовремя.

Наступил тот миг, ради которого он жил, ради которого мчался сюда, задыхаясь, карабкался по крутой лестнице, пробирался через груды мусора, рискуя подвернуть ногу.

Отсюда, из этого окна, было видно другое оконце, в доме напротив, двумя этажами ниже.

Это было маленькое, совсем крошечное оконце ванной комнаты, и в это оконце мужчина с пуделем мог видеть ее.

Он не зря так спешил. По ней можно было проверять часы. Она как раз вошла в ванную, достала из шкафчика расческу и принялась расчесывать свои удивительные волосы, волосы цвета светлого майского меда. Иногда он видел ее тонкий профиль, длинную шею, обвитую золотой цепочкой, но окошко было такое узкое, что пышные волосы все закрывали.

Ему не было видно ничего, ничего, кроме ее волос, но ему и не нужно было другого. В этих волосах, словно жидкое золото, медленно протекающих через густой гребень, был воплощен для него весь смысл жизни, вся ее красота и прелесть. Он готов был часами стоять здесь, на сквозняке, возле грязного, разбитого окна, и смотреть, как она расчесывает свои волосы.

Он приходил сюда каждый вечер, приходил в волнении, с бьющимся сердцем, не уверенный – придет ли она сегодня?

Несколько раз бывало, что она не приходила – возможно, уезжала куда-то или просто уходила по делам. Тогда мужчина стоял полчаса в жалкой, слабой надежде и вынужден был уходить, чтобы жена ничего не заподозрила.

Но сегодня, к счастью, она снова появилась.

Она расчесывала волосы, вполне уверенная, что ее никто не видит – да и кто мог видеть ее? Маленькое окошко ванной комнаты было так расположено, что в него можно было заглянуть только отсюда, из этого разбитого чердачного окна.

Она расчесывала волосы удивительно долго, словно исполняла какой-то древний, священный обряд. Впрочем, так оно и было – ибо какой ритуал может быть древнее и прекраснее...

Он вспомнил, как в Академии, на занятиях по немецкому языку, они читали Гейне.

«Ich weis nicht, was soll es bedeuten...»

Он сам удивился, что в памяти сохранилась немецкая строчка, и начал припоминать перевод.

...Над страшною высотой

Над Рейном навис утес,
Сражает пловцов красотою
Там дева в золоте кос.
Расчесывает гребнем
И дивную песню поет,
И, замороженный пенем,

На камни певец плывет...¹

Он чувствовал себя этим пловцом, забывшим обо всем на свете, не замечающим торчащих из воды острых камней, коварных отмелей и бурунов, пловцом, для которого весь мир сошелся в одну точку, в одно крошечное оконце, через которое он может любоваться волосами цвета майского меда...

Он готов был стоять здесь вечно, не сводя с нее глаз, любуясь тем, как она расчесывает волосы, но остальные участники ежевечернего ритуала не разделяли его желания.

Сперва пудель начал скулить и дергать поводок.

С пуделем он разобрался просто – пнул его ногой, вложив в этот удар все раздражение, всю свою неутолимую тоску.

Пес обиженно взвизгнул, отскочил к стене и затих, но поэзия мгновения была уже безнадежно испорчена.

Но хуже было другое – она закончила расчесывать волосы и ушла от окна.

Он вздохнул.

То главное, что придавало смысл его жизни, то, чем он жил с утра до вечера, закончилось – и нужно было возвращаться к тусклым будням, к унылым повседневным делам. Что там велела купить жена? Кажется, молоко?

Чего только он не отдал бы за то, чтобы обладать ею, этой женщиной с волосами медового цвета! Чего только не отдал бы! Он пошел бы ради нее на любое преступление...

Он нехотя отошел от окна, дернул за поводок.

Пудель обиженно таякнул и поплелся следом, бросив на хозяина неприязненный взгляд. В этом взгляде читалось: если бы я только мог говорить, все рассказал бы хозяйке!

– Если бы! – передразнил его мужчина и для профилактики стегнул поводком.

Пудель взвизгнул – не столько от боли, сколько от несправедливости – и послушно засеменил за хозяином.

Они выбрались с чердака на лестницу.

Мужчина повесил на место замок и пошел прочь, мечтая о завтрашнем дне.

– Ты купил молока? – раздался из кухни голос жены, едва он вошел в квартиру.

– В магазине не было молока! – ответил он, с трудом скрывая раздражение.

Жена ничего не ответила.

Он разделся и пошел в ванную. Нужно было ложиться спать, чтобы встать утром, прожить серый, тусклый, унылый, бесконечный день, скрашиваемый только одной мыслью, только одним ожиданием: вечером он возьмет собаку и снова пойдет на тот захламленный чердак. Чтобы простоять несколько минут у окна, глядя, как ее золотые волосы текут сквозь гребень.

Господи, как же он хочет эту женщину! Душу бы продал за то, чтобы обладать ею!

Показалось ему или нет, что в лужице воды в раковине мелькнуло чье-то лицо? Скорее не лицо, а маска – злобная, нечеловеческая... Глупости, он совершенно рехнулся! Нужно взять себя в руки! У него такая ответственная работа...

* * *

На следующий день было воскресенье, и брат Бернар вместе со всеми своими людьми пришел на мессу. Пока епископ произносил проповедь, посвященную всемерному искоренению ереси и колдовства, инквизитор внимательно разглядывал прихожан, чтобы опреде-

¹ Перевод А. Танкова.

лечь, кто из них недостаточно тверд в вере. Рядом с ним стоял секретарь епископа итальянец Луиджи, шепотом называя имена горожан, привлекая внимание брата Бернара.

– Это Бауэр, бакалейщик, – прошептал Луиджи, увидев, что инквизитор разглядывает лысого толстяка, задремавшего во время проповеди. – А рядом с ним – Михель Линц, аптекарь... позади аптекаря – булочник Дроссельмайер с женой... весьма благочестивый господин!

– А кто та дама в голубом платье? – спросил брат Бернар, внезапно ощутив головокружение, словно у самых его ног разверзлась бездонная пропасть.

– Это фрау Ситтов, жена богатого торговца... – услужливо сообщил итальянец. – Муж ее сейчас в дальнем плавании. Фрау Ситтов – усердная прихожанка, очень благочестивая, ежедневно ходит в церковь и много жертвует...

– Фрау Ситтов... – инквизитор повторил это имя, словно попробовал его на вкус. Оно показалось ему сладким, как майский мед. И волосы этой женщины были цвета светлого меда, и глаза – необыкновенного медового оттенка.

Брат Бернар вспомнил, как в молодости совершил паломничество к святому Иакову Кампостельскому. Там, в прохладной полутьме собора, он увидел чудесный лик золотоволосого ангела, который на всю жизнь запечатлелся в его сердце. И вот теперь в этом захолустном немецком городке он встретил женщину с лицом того ангела...

Инквизитор вцепился в плечо Луиджи, чтобы удержаться на ногах. Неисчислимы козни Дьявола, тысячи путей находит он, чтобы поразить верных слуг Господа!

– Что с вами, досточтимый брат? – испуганно спросил итальянец.

– Ничего... – отозвался Бернар, справившись со своим голосом. – Здесь душно...

– Должно быть, вы слишком изнурили себя постом и молитвой, досточтимый брат!

Воскресным вечером brave ландскнехты из свиты брата Бернара всей компанией закатились в кабачок «Под золотой лозой», сам же инквизитор, закрыв лицо капюшоном, обошел город со своей черной собакой. Черной тенью проскользнул он мимо собора, мимо таверны, мимо городской аптеки, заглядывал в окна, пытаясь угадать, за каким из них скрываются еретики.

Вдруг из темной подворотни выскользнула еще более темная тень, нерешительно приблизилась к инквизитору.

Черная собака зарычала, обнажила желтые клыки.

– Спокойно, Милорд, спокойно! – проговорил брат Бернар, схватив пса за ошейник. – Этот благочестивый человек хочет исполнить свой долг перед Церковью...

Незнакомец что-то зашептал на ухо инквизитору. Тот благожелательно улыбнулся, перекрестил доносчика и пошел дальше. И тут, проходя мимо городского колодца, он увидел стройную женщину со служанкой, которая спешила домой. Голова ее была покрыта темной шалью, скрывающей лицо, но инквизитор не сомневался, что это она, фрау Ситтов.

Он проследил за женой торговца до самого дома, посмотрел из-за угла, как служанка заперла дверь, вернулся в комнату, которую отвел ему епископ, скинул свой монашеский плащ и долго бичевал себя по голым плечам, по спине.

Однако бичевание не помогло: когда брат Бернар улегся на свою узкую кровать, перед его закрытыми глазами стояла женщина в синем платье, женщина с лицом ангела, женщина с глазами удивительного медового цвета...

* * *

В первый день к инквизитору подошел только один человек, во второй – трое, на четвертый день он едва успевал записывать показания доносчиков. Доносили на соседей и на лучших друзей, мужья доносили на жен, братья – на сестер, дети – на матерей.

Брат Бернар сидел в своей комнате, как паук в центре паутины, и записывал, записывал, записывал. Встречаясь за обедом с епископом, он светлел лицом и говорил:

– Вот так, Ваше Преосвященство! Вы считали, что ваша паства сплошь состоит из добрых христиан, из невинных агнцев, а они оказались волками в овечьей шкуре! Мы только начали расследование, а у нас уже десятки подозреваемых!

– Ну, право, я не знаю, можно ли верить всем этим доносам... – Епископ морщился. – Возможно, кто-то доносит не по христианскому долгу, а со зла, из мести или из корысти.

– На этот счет вы можете не сомневаться, Ваше Преосвященство! – Брат Бернар показывал епископу небольшую книжицу в потрепанном переплете. – У меня есть мое несравненное орудие, «Молот ведьм», блистательный труд двух моих досточтимых коллег, опытнейших братьев инквизиторов Шпренгера и Инститориса. Здесь, в этой небольшой книге, подробно разъясняется и то, как следует вести допрос и следствие по делу о ведовстве, и то, как отличить чистосердечный донос от злонамеренного и лживого. Пользуясь этой книгой, я никогда не сойду с верного пути!

Епископу нечего было возразить, и он завершил обед в молчании. А брат Бернар спешил в свою келью, куда помощник одного за другим приводил доносчиков.

Брат Бернар внимательно выслушивал каждого, задавал каверзные вопросы, как советовали авторы «Молота ведьм», дабы выяснить, не вызван ли донос исключительно смертельной враждой доносчика и обвиняемого, основан ли он на собственных наблюдениях или лишь на смутных слухах. Впрочем, как говорили братья-инквизиторы в своем бессмертном труде, нет дыма без огня, и упорный слух – достаточное основание для проведения расследования.

На этом этапе дознания брат Бернар еще не производил арестов, он лишь собирал материалы, чтобы затем одним махом захватить наиболее подозрительных горожан.

А потом, когда присутственные часы заканчивались, брат Бернар покидал дом епископа и со своей собакой черной тенью блуждал по городу, заглядывая в каждый закоулок, в каждую темную подворотню. Инквизитор говорил себе, что отыскивает еретиков, хочет выследить их тайные сборища, но в действительности ему хотелось еще раз увидеть женщину с медовыми глазами...

Прохожие шарахались от него, как от привидения, испуганно крестились и торопились скрыться в своих домах, запереть дверь, отгородиться от черной тени, расползающейся по городу...

В своих блужданиях инквизитор раз за разом невольно возвращался к дому фрау Ситтов, но ставни его всегда были плотно закрыты, и ему не удавалось увидеть ту, которая внесла смятение в его сердце, так что приходилось ждать следующего воскресенья, чтобы встретить ее в церкви.

Вернувшись в свое одинокое жилище, брат Бернар долгие часы молился и бичевал свои израненные плечи, прося у Господа помощи в борьбе с еретиками и с собственным своим сердцем, охваченным преступной страстью...

Однажды во время своих ночных блужданий по городу инквизитор оказался перед жалкой лачугой, притулившейся к городской стене возле самых ворот. Из единственного окошка хижины выбивался тусклый мерцающий свет.

Странное чувство охватило его. Брат Бернар толкнул дверь и вошел внутрь, согнувшись. Собака испуганно заскулила, но все же последовала за хозяином, прижимаясь к его ногам.

За дверью увидел он тесную и грязную каморку, освещенную тускло тлеющей лучиной и угасающим огнем в очаге, над которым булькало в закопченном котелке какое-то зловонное варево. Над котелком висели пучки трав и какие-то странные предметы, напоминающие то ли сморщенные мышинные тушки, то ли сохнувшие лохмотья. Перед самым очагом

сидела на корточках оборванная старуха с седыми космами, свисающими на глаза, и полуоткрытым ртом, посреди которого красовался единственный желтый зуб, как колокольня церкви посреди безлюдной пустоши.

Повернувшись к вошедшему, старуха уставилась на него неожиданно яркими глазами и проговорила:

– Ну, наконец-то ты пришел ко мне, красавчик! Давно я тебя ждала! Посиди со старухой, отведай моего угощения!

– Ты ждала меня? – удивленно переспросил инквизитор. – С какой стати? Да знаешь ли ты, кто я такой?

– Еще бы не знать! – Старуха мерзко захихикала. – Ты – стервятник, могильный червяк, служитель смерти! Мы с тобой одного поля ягоды, красавчик!

– Как ты смеешь говорить мне такое, старая ведьма! – возвысил голос брат Бернар. – Я – служитель матери нашей католической Церкви, преданный слуга Его Святейшества папы, верный пес Господа, призванный искать и поражать ересь во всяких ее проявлениях...

– Вот-вот! – перебила его ведьма и снова захихикала. – Я же и говорю – стервятник, прислужник смерти! Но ты зря так кипятишься, красавчик, ведь я знаю, зачем ты ко мне пришел!

– Зачем? – переспросил инквизитор, теряя свою былую уверенность. – Я случайно увидел твою лачугу, случайно толкнул эту дверь, у меня и в мыслях не было...

– Бла-бла-бла! – протянула старуха. – Ты сам-то веришь своим словам, красавчик? Ты пришел ко мне, чтобы попросить у меня помощи! И не стыдись в этом признаться!

– О чем ты говоришь, старая ведьма? Чем ты можешь помочь мне? Ты – старая нищая ворона, случайно задержавшаяся на этом свете, я же – исполнитель воли Его Святейшества...

– Ну вот, опять заладил! – Старуха зевнула. – Тебе еще не надоело повторять одно и то же?

– Ты кощунствуешь, старуха! – инквизитор повысил голос и огляделся по сторонам. – И вообще, здесь явно пахнет ересью и колдовством! Не понимаю, как Его Преосвященство господин епископ до сих пор терпел твоё присутствие в этом городе? Ну, ничего, я с этим быстро покончу! Завтра же я пришлю за тобой ландскнехтов!

– Ох, как я напугалась! – Старуха изобразила на лице притворный ужас и снова захихикала. – Не пора ли перейти к делу, красавчик? Ты ведь хотел попросить у меня ее...

– Ее? – переспросил брат Бернар, чувствуя, как земля уходит из-под его ног. – О чем ты...

– Взгляни-ка, красавчик, в это зеркало! – Старуха вытащила из своих лохмотьев круглое венецианское зеркало в серебряной оправе, на ручке из слоновой кости. Эта дорогая изящная вещь казалась вовсе неуместной в жалкой камерке старой ведьмы. Старуха протерла зеркало грязным рукавом и протянула инквизитору.

Брат Бернар не хотел брать зеркало – но послушно взял его, как будто его рукой водила какая-то чуждая сила, и против воли взглянул в сияющий овал.

И вместо собственного лица он увидел в зеркале женщину с глазами цвета светлого майского меда. Фрау Ситтов неспешно расчесывала свои чудесные медовые волосы, глядя прямо перед собой с выражением равнодушного покоя, глядя словно в самое сердце брата Бернара, в самую его душу.

– Славная бабенка! – проговорила ведьма. – Не смущайся, красавчик, старая Герда тебе поможет!

– Как ты смеешь, ведьма... – начал инквизитор, но старуха нетерпеливо отмахнулась от него, вырвала из его руки зеркало, спрятала снова в своих лохмотьях.

И брат Бернар внезапно упал на колени, протянул руки к нищей знахарке и взмолился:

– Дай мне еще посмотреть на нее!

– Довольно, красавчик! – строго ответила старуха. – Много ли от этого проку? Я же сказала, что помогу тебе! Бабенка и впрямь хороша! Она будет твоей, не сомневайся!

Она отвернулась от инквизитора, пошарила в грудe лохмотьев возле очага и вытащила оттуда глиняный кувшинчик, запечатанный золотистым воском.

– Вот, красавчик, возьми это. Когда будешь один, намажешь себя всего, с головы до ног! Ничего не пропусти, красавчик, ни одного местечка! – старуха мерзко захихикала. – Только помни – когда будешь совсем, совсем один!

– С какой стати... – попробовал возразить брат Бернар, но старуха отмахнулась от него небрежным королевским жестом:

– Можешь не благодарить меня! Я же говорю – мы с тобой одного поля ягоды, красавчик, а между своими – какие счеты! Ну, разве что ты подаришь старухе монетку, одну монетку... – Старуха прищурилась, пристально взглянув на инквизитора, и повторила: – Только помни, когда будешь совсем один!.. И еще – Он исполнит только одно твое желание, только одно, так что не ошибись, подумай хорошенько, прежде чем просить...

– Он? – в ужасе переспросил инквизитор. – Кто – он?

Но старуха ничего ему не ответила, и вдруг сильный порыв холодного ветра ворвался в ее лачугу, подхватил брата Бернара и вынес его на ночную улицу, как осенний листок или негодную тряпицу.

Инквизитор едва удержался на ногах, но та же неведомая сила гнала его вперед, прочь от ведьминогo жилища. Он бежал, не в силах остановиться, бежал, натываясь на ночных гуляк и припозднившихся прохожих, пока не добежал до епископского дворца. Черный пес едва поспевал за хозяином.

На крыльце двое ландскнехтов играли в кости. Удивленно взглянув на брата Бернара, они посторонились, пропуская его в двери.

* * *

Оксану разбудил телефонный звонок. Она спросонья взглянула на будильник – без пяти девять. Ой, проспала!

Рядом безмятежно посапывал муж.

– Слушай, тебе на работу не надо? – Она не слишком вежливо пихнула его в плечо.

– А? – Он с трудом открыл глаза. – А будильник звонил?

Тут до нее дошло, что звонит не будильник, а телефон, и все же надо подойти.

– Да! – крикнула она. – Слушаю!

В ответ женский ледяной голос проговорил, что Карасевой О. Н. надлежит сегодня в двенадцать ноль-ноль явиться по адресу такому-то для дачи свидетельских показаний. Повестка доставлена, лежит в ее почтовом ящике.

– Быстро как успели!.. – только и сказала Оксана.

– А что ты думаешь? – муж стоял рядом. – Это же не шутка – такой случай. Да еще и Туманов погиб!

– Туманов? Ах да, конечно, Туманов... – рассеянно пробормотала Оксана и проскочила в ванную раньше мужа. За это он съел остатки пирога с капустой, ей ничего не оставил.

Он всегда так, как маленький...

Перед уходом онахватила телефон, он по-прежнему был как мертвый. Оксана постояла, мучительно вспоминая пин-код. Все точно, она не могла перепутать. Тщательно нажимая кнопки, ввела цифры. Опять облом! Код неверный! Все, телефон заблокировался. Нет, все же он сломался. Нужно идти в сервис.

* * *

Прапорщик за деревянным барьером смотрел футбол по телевизору. Оторвавшись от экрана, недовольно взглянул на Оксану, спросил:

– К кому?

– К майору Супникову! – Оксана положила перед прапорщиком повестку. Он с сомнением на лице разгладил бумажку, внимательно прочел, поднял глаза.

– Не к Супникову, а к Ступникову! Это двадцать восьмой кабинет, второй этаж!

– Там неразборчиво... – пробормотала Оксана, но прапорщик на нее уже не смотрел – перед воротами назревала критическая ситуация.

Оксана поднялась на второй этаж, нашла нужную дверь, постучала. Из-за двери донесся какой-то нечленораздельный выкрик, который она решила считать приглашением.

Двадцать восьмой кабинет оказался маленькой захлавленной комнатой, в которой имелись два заваленных бумагами письменных стола, несколько несгораемых шкафов, несколько хлипких стульев и табуреток, большое разлапистое растение в деревянной кадке и множество более мелких и незначительных предметов, включая самого хозяина кабинета.

За одним из письменных столов сидел долговязый мужчина лет сорока с красными оттопыренными ушами и непослушно торчащими во все стороны волосами цвета «перец с солью».

– Фамилия! – прогремел мужчина, пристально разглядывая Оксану.

– Моя? – переспросила она в растерянности.

– Нет, Пушкина! – Мужчина безуспешно пригладил волосы ладонью. – Конечно, ваша! Свою фамилию я пока что помню!

– Моя фамилия Карасева, – сообщила наконец Оксана. – Меня вызвали к майору Суп... извините, Ступникову. Это вы?

– Допустим! – Майор привстал, показал ей на свободный стул и что-то размашисто черкнул в раскрытом блокноте. – Присаживайтесь, гражданка Карасева! И расскажите мне подробно обо всем, что вы делали во время... происшествия.

– Я вообще-то все уже рассказала там, на месте... – протянула Оксана неуверенно.

– Там – это одно дело, а здесь – другое. Вы могли что-то вспомнить, как говорится, утро вечера мудренее. Короче, расскажите все еще раз! Происшествие, сами понимаете, трагическое, с человеческими жертвами, и мы должны во всем разобраться.

– Ну, значит, я пришла в свое купе, устроилась... познакомилась с соседкой...

Она вспомнила Валентину и почувствовала укол сострадания. Был человек – и нет его...

– Так, значит, познакомились, – напомнил ей майор о своем существовании. – Что дальше?

– А дальше... дальше я пошла в вагон-ресторан. У меня была там назначена встреча...

– Фамилия! – прервал ее майор.

– Чья? – испуганно переспросила Оксана.

– Ну, не моя же!

– Карасева... – Оксана захлопала глазами.

– Ну, до чего же эти штатские бестолковые! – проговорил майор, обращаясь к полуоткрытому несгораемому шкафу. – Гражданка, вы мне свою фамилию уже назвали, и я ее в протоколе зафиксировал! Зачем вы мне ее повторно называете?

Оксана почувствовала нарастающее раздражение.

– Ну, вы же требуете, чтобы я вам все заново рассказывала, – ответила она, стараясь сдерживаться. – Может быть, у вас такой порядок – задавать все вопросы по несколько раз?

– У нас такой порядок, чтобы на вопросы отвечать! – оборвал ее майор. – Я у вас спрашиваю фамилию того человека, с которым вы встречались в вагоне-ресторане...

– Дело в том, что я с ним так и не встретилась, – возразила Оксана. – Я его ждала, а он так и не пришел!

– Фамилия! – рывкнул майор и даже пристукнул кулаком по столу. – Фамилия того человека!

– Логинов, – мрачно ответила Оксана. – Андрей Логинов. Но он так и не пришел...

– Мухин! – Майор снова повернулся к полукрытому шкафу. – Что у нас по Логинову?

– Ничего, – пропыхтели из шкафа, и оттуда выдвинулся обтянутый серыми брюками круглый зад. – Совершенно ничего. Нет у нас никакого Логинова.

– Так что, гражданка Карасева, неудивительно, что вы не дождались его в вагоне-ресторане, – произнес майор язвительно. – Никакого Андрея Логинова в поезде не было.

– То есть как – не было? – возмутилась Оксана. – Он меня доставил на вокзал, проводил до купе и пошел к себе... он сам ехал в другом вагоне, и мы договорились встретиться через сорок минут в вагоне-ресторане, точнее, он сам на этом очень настаивал... он хотел со мной поговорить о каком-то своем проекте...

Из шкафа снова запыхтели, обладатель круглого зада поднялся и оказался невысоким краснощеким толстячком лет тридцати, с разбухшей папкой в руках.

– Не было среди пассажиров этого поезда никакого Логинова! – сообщил он важно и потряс папкой.

– Что вы такое говорите! – Оксана всем телом повернулась к нему, и стул под ней предательски хрустнул. – Вы наверняка ошибаетесь! Проверьте еще раз, он непременно должен быть! Ведь я его своими глазами видела, я с ним разговаривала...

– Извините, гражданка Карасева, – возразил ей толстяк. – Если я говорю, что в этом поезде не было Логинова – значит, не было. У меня есть личные данные всех пассажиров. Вот Логунов Андрей Михайлович был, а Логинова не было...

– Логунов? – ухватилась за его слова Оксана. – Ну, может быть, он действительно Логунов... может быть, я ошиблась, неправильно расслышала фамилию...

– Логунов Андрей Михайлович, одна тысяча девятьсот двадцать девятого года рождения... – громко прочитал толстяк, вытащив из своей папки какой-то мятый листок. – Вы хотите сказать, что это именно он доставил вас на вокзал?

– Девятьсот двадцать... да ему почти сто лет! – воскликнула Оксана. – Это точно не тот, мой – молодой человек...

– А больше никого вам не могу предложить! – Мухин развел руками. – Больше никого подходящего в поезде не было.

– Да что вы такое говорите! – повторила Оксана. – Не может быть...

Она чувствовала, что полицейские ей не верят и каждое ее слово только усугубляет это недоверие, чувствовала себя как муха, попавшая в липкую паутину и каждым своим движением только сильнее затягивающая ее...

Оксана постаралась не волноваться, взять себя в руки, говорить спокойно и убедительно, как она привыкла говорить на совещаниях у руководства.

– Знаете, – начала она снова, – все это звучит очень странно... более чем странно. Но почему, собственно, вас так интересует этот Логинов или Логунов?

Майор Ступников, который до этого только слушал их препирательства с Мухиным, скептически наклонив голову набок и ритмично постукивая пальцами по крышке стола, внезапно оживился и, перегнувшись через стол, проговорил:

– Потому что только он мог бы подтвердить ваши слова.

– А что в моих словах нуждается в подтверждении? – удивилась Оксана. – Чему вы не верите? Я действительно была в вагоне-ресторане, это могут подтвердить и официанты, и другие пассажиры...

– Как раз в этом мы не сомневаемся, – заверил ее майор. – То, что вы были в ресторане, как говорится, медицинский факт. Но вот *почему* вы там были – это вопрос... и вот тут начинаются нестыковки. Вы говорите о каком-то Логинове, которого нет в списке пассажиров...

– Но я не понимаю... что, пойти в вагон-ресторан – это преступление? По-моему, он для того и существует!

– Не понимаете? – Толстяк подскочил к ней, потряс в воздухе папкой. – Да бросьте вы! Все вы понимаете! Вы отправились в вагон-ресторан, и почти сразу после этого в вашем вагоне происходит взрыв, начинается пожар и гибнут люди... если бы вы не ушли, вы бы тоже погибли!

И только теперь до Оксаны дошло, почему эти двое допрашивают ее с таким пристрастием.

Если бы парень, который привез ее на вокзал, не назначил ей встречу в вагоне-ресторане, она бы сразу легла спать и была бы во время пожара в своем купе, вместе с Валентиной... и наверняка погибла бы. Она поняла это сразу, в ту страшную ночь – и подумала, что Логинов совершенно случайно спас ее.

Но в глазах полицейских это не выглядит простым везением, не выглядит игрой случая.

В их глазах это выглядит очень подозрительно.

Она очень своевременно ушла из своего вагона – не потому ли, что знала, что должно произойти?

Она ссылается на человека, который назначил ей встречу, – а этого человека нет в списке пассажиров!

Что это может значить? Либо он – вовсе не тот, за кого себя выдавал, вовсе не Андрей Логинов, либо... либо она его выдумала, чтобы отвести от себя подозрения.

И еще... еще это значит, что в поезде произошел вовсе не несчастный случай.

– Вы меня в чем-то подозреваете? – спросила Оксана, затравленно озираясь.

– А вам есть в чем признаться? – ответил майор вопросом на вопрос. – Если вы хотите нам что-то сообщить – сейчас самый подходящий момент для этого!

– Мне нечего вам сказать! – Оксана резко отдернулась, стул под ней скрипнул и едва не сломался. Она вскочила и повторила, сжав руки в кулаки: – Я ни в чем не виновата!

– А мы вас пока ни в чем и не обвиняем, – примирительным тоном проговорил майор. – Однако просим никуда не уезжать. У следствия к вам наверняка еще будут вопросы.

Оксана вышла в коридор и натолкнулась там на высокого старика, чье лицо было ей знакомо.

– Здравствуйте, – обрадовался он, – вот и свиделись.

– Андрей Михайлович? – через силу улыбнулась Оксана. – Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, голубушка, полегчало мне, – кивнул он, – а лежать не люблю, пустое это занятие. Вот, сюда вызвали как свидетеля. А вы что-то бледненькая, устали?

– Столько всего навалилось. – Оксана отвела глаза.

– Логунов! – это выскочил из кабинета майор Мухин. – Что ж это вы себя ждать заставляете? У нас лишнего времени нету!

– Дожил! – пробормотал Андрей Михайлович. – Иду уж...

* * *

После допроса Оксана чувствовала себя совершенно разбитой и опустошенной. Идти в таком состоянии на работу она не могла и поплелась домой. Черт с ними со всеми, обойдутся один раз без нее!

Подходя к дому, она встретила знакомого мужчину с черным пуделем. Он взглянул на нее как-то странно и быстро прошел мимо, чему Оксана откровенно обрадовалась – ей сейчас ни с кем не хотелось разговаривать, хотелось остаться одной.

Однако в пустой квартире ей стало еще хуже, в ушах у нее стоял грохот взрыва, гудение огня, перед глазами мелькали багровые отсветы ночного пожара.

Чтобы как-то отвлечься от этих мыслей, от этих тягостных воспоминаний, она включила телевизор.

Там как раз шли новости.

Хорошенькая ведущая, вытаращив круглые голубые глаза, вещала с чувством собственной значительности:

– Как нам сообщили в пресс-службе управления внутренних дел, новые данные появились в деле об аварии поезда Москва – Петербург. Как уже сообщалось, при этой аварии погиб вице-губернатор нашего города Арсений Туманов. Новые данные, вскрывшиеся в ходе расследования, указывают на то, что имела место не случайная авария, а заранее спланированная диверсия или террористический акт, целью которого и был вице-губернатор Туманов. В настоящее время следствие прорабатывает различные варианты, заказчиков и исполнителей теракта ищут в криминальных кругах, а также среди бизнесменов, чьи интересы мог затронуть Арсений Туманов. Мы обещаем держать наших зрителей в курсе расследования...

Ведущая перешла к прогнозу погоды, а Оксана тупо смотрела на экран, пытаясь переварить услышанное.

Она помнила, как по коридору вагона прошел важный, самоуверенный мужчина с охранником, Валентина сказала ей, что это – вице-губернатор Туманов.

Значит, взрыв в поезде был устроен, чтобы избавиться от него... а она оказалась в неудачное время в неудачном месте. И то, как сегодня с ней разговаривали двое полицейских, вовсе не случайно.

Они хотят сделать из нее подозреваемую, а потом и обвиняемую... хотят свалить на нее эту диверсию!

Но, с другой стороны, в этом деле и правда много подозрительного.

Андрей Логинов... он назначил ей встречу в вагоне-ресторане, а сам не пришел. А теперь вот выясняется, что такого человека вообще не было среди пассажиров поезда!

Как это может быть?

Да очень просто. Ведь она не проверяла его документы, это ей и в голову не пришло – и с какой стати? Ведь он предложил подвезти ее на вокзал, сослался на Лидию Яковлеву из издательства...

И тут она вспомнила их разговор – и поняла, что ни на кого он не ссылался, это она назвала ему имя Лиды, а он только утвердительно кивнул в ответ... И поймал он ее уже на выходе из издательства, то есть можно предположить, что он просто поджидал ее уже за вертушкой. Охрана на него внимания не обратила – мало ли кто возле дверей отирается?

Теперь ясно, что и машина была не от издательства – не того полета птица Оксана Карасева, чтобы ее на машине возили...

Снова, как тогда, перед пожаром, в глазах у нее потемнело, и сердце гулко забилося где-то у горла. Оксана прижалась к спинке дивана и застыла.

В квартире стояла унылая тишина. Она набрала телефон мужа. Хоть бы пришел, воды подал, а то так и окочуриться можно. В ответ чужой голос сообщил, что телефон выключен.

Отчего-то этот простой факт возмутил Оксану до глубины души. Когда муж ей нужен, его нет! А ведь это случается так редко...

В самом деле, они как-то редко видятся. А когда встречаются, то почти совсем не разговаривают. Перекинутся общими, ничего не значащими фразами – и все.

Думать об этом было неприятно. Но Оксана отогнала эти мысли как глупые, пустые и несвоевременные. В самом деле: ее допрашивают в полиции, еще эта странная история с Логиновым, или как его там звать на самом деле...

А ведь она не сможет доказать, что он назначил ей встречу. Их вместе никто не видел. То есть проводница видела, когда они у вагона услаивались, так она наверняка этого не вспомнит. Но зачем, зачем он все это сделал? Знал, что начнется пожар, и хотел ее спасти? Глупо, они никогда раньше не виделись, с чего он решил ее спасти?

И что же ей теперь делать?

Не ныть и не жалеть себя, тут же ответила она, а лучше заняться хозяйством, раз уж не пошла на работу. Квартира и правда в запустении, и стирки накопилось много.

Оксана мигом собрала все белье и полотенца и по инерции стала искать в прихожей свою дорожную сумку – мало ли что в ней завалялось... Но тут же вспомнила, что сумки нет, она сгорела в поезде. Хорошая была сумка, дорогая, почти новая... И пальто тоже сгорело. Жалко, всего один сезон его носила. Вот кстати еще забота – нужно же что-то купить на осень.

Ее тут же обожгло чувство стыда. Люди погибли, а она пальто жалеет! Вот Валентине уже ничего не надо...

Взгляд упал на серую «полярку», что висела на вешалке. Вот ее нужно отдать владельцу. Но сначала выстирать.

Прежде чем запихнуть куртку в стиральную машину, Оксана обшарила карманы и нашла в одном визитку. Кораблев Олег Вячеславович, и дальше два телефона – домашний и мобильный. И больше ничего – ни кто такой этот Кораблев, ни должности, ни названия фирмы. Надо думать, это и есть хозяин «полярки». Стало быть, его зовут Олег... Ну да, теперь Оксана вспомнила, когда сидели в Твери на вокзале, они познакомились. Этого звали Олегом, а старика, что кашлял, – Андреем Михайловичем.

Он нарочно положил в карман визитку, поняла она. Ишь какой деликатный! Навязываться не стал и провожать домой не стал, решил, что если она посчитает нужным, то сама позвонит. Оксана убрала визитку в сумочку и запустила стиральную машину.

К приходу мужа квартира блеснула. Однако он этого не заметил.

– Есть что пожевать? – спросил он.

– Сейчас что-нибудь соорудим! – спохватилась Оксана. – Там, кажется, котлеты остались от свекрови...

Муж бодро устремился на кухню, Оксана задержалась, развешивая белье на балконе, а когда оказалась на кухне, то увидела, что муж, стоя у холодильника, доедает холодные котлеты.

– Ты что – рехнулся совсем? – закричала она, потому что накатил неожиданный приступ злости. – Пять минут подождать не можешь?

– Санка, ты чего? – Он удивленно тянул на себя синюю мисочку. – Подумаешь, котлеты...

– Вечно как свинья хватаешь! – не успокаивалась Оксана.

– Вечно у тебя есть нечего! – заорал в ответ муж. – Мать только и спасает, а то бы совсем с голоду помер!

– Я тебе не повариха! – огрызнулась Оксана. – И не домработница!

В глубине души она понимала, что зря завелась и пора бы остановиться.

– В кои-то веки жена дома – так и то пожарить не приготовила! – орал муж. – Работает как вол...

– А я, значит, не работаю, а груши околачиваю! – пошла вразнос Оксана. – Между прочим, если бы я не работала...

– Так и знал, что будешь меня попрекать деньгами! – высокопарно заявил муж.

– А ты не попрекай меня дурацким хозяйством! – В голосе Оксаны зазвучали слезы. – И котлеты все съел... Эгоист паршивый, бревно бесчувственное!

Последние слова она прокричала не своим, а чужим, высоким истеричным голосом и ушла в спальню. А там упала на кровать и разрыдалась, не успев удивиться, с чего это ее так разобрало. Никогда раньше подобного за ней не водилось, всегда умела держать себя в руках и ненавидела истеричек.

Очевидно, муж тоже очень удивился и призадумался. Так или иначе он явился в спальню и погладил ее по плечу.

– Санка, ну ты чего? С чего так завелась? Ну не из-за котлет же, в самом деле...

Он попытался приподнять ее и заглянуть в глаза, но она вцепилась в подушку и глухо стонала. Когда же он оторвал ее от подушки, применив силу, она зажмурилась и мотала головой. Муж оставил ее на минутку, чтобы принести ковшик воды. Благородно не стал поливать ее, а просто брызнул тихонько.

Проверенный способ помог, Оксана перестала трястись и рыдать, уткнулась мужу в плечо и довольно внятно рассказала ему все, что случилось с ней за последние два дня.

– Ну-ну... – он похлопывал ее по плечу, – успокойся, ты же ни в чем не виновата. Это они сейчас там забегали, потому что Туманов погиб. Губернатор на них давит. Поэтому они за первого попавшегося человека и хватаются. Пройдет какое-то время, и все забудется... Пойдем чайку выпьем, котлеты доедим...

– Дались тебе эти котлеты... – вздохнула, успокаиваясь, Оксана.

– Не хочешь котлет, тогда поцелуй меня. – Он уткнулся в теплую ложбинку у нее на шее и легонько куснул мочку уха.

Подушка полетела на пол, но они этого не заметили.

* * *

– Милорд, нам сюда! – крикнул хозяин, и пудель привычно вздохнул, он уже перестал удивляться и смирился со своей участью.

Они проскочили знакомый двор, на этот раз не пришлось звонить – дверь подъезда была распахнута настежь. У художников снова была вечеринка, из квартиры слышалась музыка, на площадке курила парочка – низенький мужичок в широченных, как у клоуна, штанах и высоченная девица не первой и даже не второй молодости в ультракороткой юбке и малиновых лосинах. Лицо у девицы было длинное, а волосы завязаны сбоку в хвост, так что вспомнился детский стишок: «Приходи к нам, тетя Лошадь, нашу детку покачать...»

Придерживая пуделя, он с трудом перебрался через мусорные завалы и застыл у окна.

Ее не было. Не было, хотя время уже пришло. Он так старался не опоздать, но жена поручила какое-то дурацкое хозяйственное дело, потом позвонили по телефону, и пришлось поддерживать пустой, никчемный разговор.

И вот ее нет. Он прислонился лбом к грязному стеклу и застыл в отчаянии. Пудель почувствовал слабость, без труда вырвал из его рук поводок и отбежал в сторону.

Его хозяин этого даже не заметил.

И вдруг он увидел ее. Она появилась перед окошком, и он сразу понял, что она только что занималась любовью. Волосы ее вились вокруг лица золотым ореолом, глаза сияли, как

звезды. Она смеялась и вертелась перед зеркалом, переговариваясь с кем-то через дверь. Кто там был? Да, конечно, муж, этот мелкий, незначительный, не стоящий ее человечиска. Что она в нем нашла? Зачем она вышла за него замуж?

Она наклонилась к зеркалу, рассматривая свое отражение, потом сама себе состроила глазки и снова радостно рассмеялась, повела плечами, потом слегка нахмурилась, заметив, надо полагать, крошечную морщинку или прыщик. Но нет, все оказалось в порядке, и она улыбнулась самой себе в зеркале. Затем достала расческу, и он застыл, наблюдая привычный ритуал.

Сегодня волосы ее не хотели протекать через гребень тяжелой волной, они путались и роились непослушными завитками. Она снова повернула голову к двери, очевидно, там стоял муж и звал ее. Она улыбнулась, бросила расческу и исчезла, забыв погасить свет.

Он долго стоял, пытаясь унять дрожь во всем теле. Что он может сделать? Убить ее мужа? Но поможет ли это? Разве он будет тогда обладать ею?

«Господи! – прошептал он помертвевшими губами. – Сделай что-нибудь, я больше не могу это терпеть!»

Бум! – в дальнем углу послышался шум – это пудель уронил сломанный стул. Вот и он сам появился из-за кучи мусора.

– Милорд, иди сюда! – позвал хозяин.

Пудель и не думал слушаться. Он стоял, не шевелясь, казался черным сгустком мрака на фоне темной стены, и глаза его отливали зловещим красным светом.

– Ко мне! – повторил хозяин.

Пудель переступил лапами, оскалился и тихонько зарычал.

– Ты идешь, дьяволово отродье? – крикнул мужчина.

И вдруг стихли все звуки, не трещали старые балки, не возились под крышей голуби. На чердаке наступила густая, гулкая тишина, эта тишина обволокла мужчину, как липкая, тяжелая субстанция. Он откашлялся, чтобы услышать хоть какой-то звук, но собственный кашель донесся издали, словно сквозь слой ваты.

И вдруг возле чердачной стены, рядом с пуделем, раздался отчетливый шорох, и с пола поднялось что-то большое и бесформенное. В первый момент мужчине показалось, что сам пол чердака вспучился темным бесформенным пузырем, какие иногда в безлунную ночь поднимаются со дна болота. Но в следующую секунду он понял, что с пола поднялось какое-то живое существо, покрытое, как слоем снега, старыми газетами, листами картона и тряпками.

Обрывки с шорохом осыпались с темной фигуры, как поздней осенью опадают с дерева потемневшие листья под сильным порывом ветра, и испуганный мужчина разглядел под ними человека.

По-видимому, это был бомж, облюбовавший теплый чердак и устроивший там свое логово. На вид ему было лет шестьдесят, он был одет в длинное темное пальто, сильно потрепанное, но когда-то хорошо сшитое и еще сохранившее остатки элегантности. На голове бомжа была мягкая черная шляпа, в руке – тяжелая трость с костяным набалдашником в форме собачьей головы. Трость была треснувшая, исцарапанная, явно подобранная на помойке, но все вместе производило впечатление какого-то мрачного величия.

Но самым удивительным было лицо бомжа. Небритое, одутловатое, покрытое застарелыми царапинами и ссадинами, оно тем не менее излучало силу и значительность, и на нем отдельной, самостоятельной жизнью жили глаза – тускло сияющие, полные странных розовых и сиреневых переливов. Глаза эти смотрели одновременно повсюду, казалось, они видят все, что происходит на земле, заглядывают в каждую душу, в каждое сердце.

Испуганный мужчина почувствовал, что взгляд этого удивительного бомжа проник и в его сердце, и в его душу, видит каждую его сокровенную тайну.

– Здорово! – проговорил удивительный бомж странным хриплым голосом, исходящим ниоткуда и со всех сторон одновременно. – Вот мы с тобой и повстречались...

– Кто ты? – пробормотал мужчина, отступая к выходу с чердака. – Ты здесь живешь? Я не хотел...

– Хотел, хотел! – ответил бомж с кривой, издевательской усмешкой. – Очень хотел! Ну не стесняйся, каждый от меня чего-то хочет, и некоторым я помогаю.

– Кто ты? – повторил мужчина в страхе, догадываясь, каким будет ответ, и боясь его.

Но странный бомж не удостоил его ответа. Вместо этого он хрипло захохотал. Этот смех показался похожим на воронье карканье – на хриплое воронье карканье, разносящееся в сумерках над безлюдной пустошью.

Отсмеявшись, он высморкался в клетчатый платок и проговорил недовольным голосом:

– Проси!

– Просить? – переспросил мужчина в растерянности. – Что я должен просить?

– Ну, уж это тебе виднее! Проси того, чего хочешь *на самом деле*. И помни – другого случая у тебя не будет. Ты можешь попросить у меня чего угодно – но только одно желание...

И тут мужчина побледнел, сердце его забилося мучительно и часто, рот наполнился горькой слюной. Он шагнул навстречу бомжу и пролепетал едва слышно:

– Ее... ту женщину... я хочу обладать ею... хочу, чтобы она оказалась в полной моей власти!

Странный бомж снова захохотал своим хриплым каркающим смехом – и эхо этого смеха зазвучало во всех углах чердака, как будто десятки странных, невидимых, фантастических созданий подхватили смех своего повелителя.

Наконец смех стих, бомж прокашлялся и проговорил:

– Будь по-твоему! Твое желание исполнится! Женщина, о которой ты говорил, будет в твоей власти... в твоей полной власти!

С этими словами бомж шагнул вперед, угрожающе взмахнув своей тростью. Мужчина попятился, поскользнулся на банановой кожуре и едва не упал. Чтобы устоять, он схватился за подоконник – и резкая боль пронзила его руку.

Из подоконника торчал осколок стекла, и мужчина порезался об него. Капля темной крови упала на пол, точнее – на какой-то листок бумаги, валявшийся на грязном полу чердака.

Внезапно из темноты выбежал Милорд. Подбежав к хозяину, черный пудель схватил с полу испачканный кровью листок, отбежал к бомжу, встал на задние лапы, как дрессированная цирковая собака, и протянул ему листок.

– Ну, вот мы и подписали договор! – удовлетворенно проговорил бомж, складывая листок вчетверо и убирая в карман своего пальто. – Подписали кровью, как положено... вот и славно!

– Договор? – пролепетал мужчина в растерянности. – Какой договор?

– Обыкновенный! – поморщился бомж. – Что, не знаешь, какие бывают договора? Я, с одной стороны, и ты – с другой, составили этот договор, предметом которого является... – Он потрепал пуделя по загривку и закончил недовольным голосом: – Предметом которого является исполнение одного желания, в соответствии с пунктом три дробь четыре. Исполнение одного сокровенного желания...

Договорив, бомж зевнул, опустился на пол и зарылся в старые газеты и прочий мусор, ровным слоем покрывавший пол чердака.

А мужчина бросился наутек, прочь из этого странного и страшного места.

* * *

Уединившись в своей комнате, брат Бернар опустился на колени перед иконой и принялся горячо, истово молиться, прося у Создателя силы для борьбы с ересью и с собственными греховными помыслами.

Однако он то и дело сбивался, путал слова молитвы, перед глазами его возникало мрачное жилище ведьмы.

Чувствуя, что его молитва не достигнет Творца, инквизитор сорвал рясу и потянулся за плеткой, чтобы физической болью победить боль душевную, преодолеть свою грешную человеческую слабость и вернуть себе полноту и искренность веры.

И вдруг из складок его сутаны выкатился глиняный кувшинчик, запечатанный воском.

Инквизитор смотрел на этот кувшинчик в ужасе, как будто сам дьявол появился вдруг в его скромном жилище.

Внезапно в его голове зазвучал вкрадчивый голос старой ведьмы:

«Когда будешь один, намажешь себя всего, с головы до ног! Ничего не пропусти, красавчик, ни одного местечка!.. Только помни – когда будешь совсем, совсем один!»

– Я один, совсем один!.. – забормотал брат Бернар и схватил кувшинчик. – Я должен узнать, что это такое... чтобы бороться с ересью, нужно познать ее...

Он сломал восковую печать, вытащил пробку.

Тесная комната наполнилась странным запахом – запахом тления и смерти, запахом ночного болота, запахом разложения. Инквизитор, наклонив кувшинчик, вылил на ладонь немного зеленоватой маслянистой жидкости и размазал ее по своим обнаженным плечам, покрытым незажившими рубцами от ежедневных бичеваний. Иссеченную плеткой кожу защипало, ее словно закололи тысячи ледяных иголок – и тут же душу инквизитора охватил странный восторг, будто он сейчас, через считанные минуты, предстанет перед престолом Царя Небесного.

Он скинул с себя всю одежду и торопливо, жадно зачерпывая масло из глиняного кувшинчика, нанес его на свое тело. В ушах его все звучал ведьмин голос: «Ничего не пропусти, красавчик, ни одного местечка!» – и он послушно исполнял ее наставление. Пока он занимался этим странным и кощунственным делом, свеча на его аналое догорела, и в комнате воцарилась тьма, лишь слабый свет луны сочился сквозь узкое стрельчатое окошко, словно ночное светило подглядывало за инквизитором.

Вскоре масло кончилось.

Инквизитор стоял посреди комнаты, в тусклом луче лунного света, и ждал, что же произойдет.

Секунды шли, складываясь в минуты, но ничего не происходило, только кожа Бернара горела все сильнее и сильнее, как у еретика на костре, да сердце его колотилось в груди, как несчастный узник колотит в дверь своей камеры.

И вдруг, когда он уже почти успокоился и решил, что более ничего не произойдет, лунный свет охватил его подобно холодному пламени. В этом пламени брат Бернар вспыхнул и свернулся, как обгорелый листок в пламени костра, превратился в горстку пепла, но уже в следующее мгновение восстал из пепла, как птица феникс, но оказался не в своей комнате, а на крыше епископского дворца.

Рядом с ним стоял косматый черный козел, оседланный и взнузданный, как верховая лошадь. Козел задрал бороду, заблеял и ткнулся в ноги инквизитора, словно приглашая его сесть в седло. Брат Бернар и сам не понял, как оказался в седле, и тут же козел оттолкнулся от крыши всеми четырьмя копытами и взмыл в ночное небо.

Впереди и сверху ослепительно сиял серебряный диск полной луны, внизу пронеслись черепичные крыши Нойбаха, исчезли позади, сменившись верхушками дубов и сосен. Земля со страшной скоростью проносилась под инквизитором, ветер трепал шерсть козла, закидывал назад его длинную бороду. Брат Бернар изо всех сил вцепился в поводья, страшась упасть с огромной высоты. Его охватил животный страх, он попытался молиться – но слова всех молитв вылетели у него из головы, словно выметенные ветром, изо рта вылетали только какие-то бессвязные, бессмысленные обрывки. Козел повернул к нему голову и расхохотался грубым, издевательским хохотом.

Они летели все выше и выше. Внизу мелькали леса и реки, луга и озера. Постепенно пейзаж становился все более мрачным и угрюмым, на смену сосновым и буковым лесам пришли горные отроги, скалистые ущелья. Впереди показалась обширная горная долина с озером посередине. Постепенно адский скакун начал снижаться, брат Бернар различал уже внизу отдельные деревья, отдельные камни. Там, на берегах озера, толпились какие-то странные существа, и козел явно нес к ним инквизитора. Наконец он коснулся копытами земли, взбрыкнул, сбросив своего седока, и исчез.

Брат Бернар поднялся, потирая ушибленный бок, и огляделся.

Вокруг него было множество... кого? Людей? Да, были здесь и люди – обнаженные мужчины и женщины, молодые и старые, красивые и безобразные – с дряблыми и морицинистыми телами, носящими на себе следы болезней и пороков.

Но были здесь и иные существа – двуногие волки в бархатных сюртуках или парчовых кафтанах, с пылающими, словно раскаленные угли, глазами, с оскаленными пастьми, полными острых желтоватых зубов, огромные жабы, покрытые зеленоватой смердящей слизью, двуногие черные коты ростом с человека, удивительные птицы с зубастыми клювами, с черными крыльями, подобными понижию в штиль парусам корабля, гигантские пауки с внимательными человеческими глазами и какие-то вовсе немыслимые создания вроде комка сырого теста с одной птичьей ногой и единственным выпученным глазом.

Все эти твари неторопливо прохаживались по берегу озера, переговариваясь важно и значительно, как знатные вельможи на королевском приеме. Похоже, они не обратили особого внимания на появление брата Бернара, что и радовало его, и несколько смущало, вызывая сомнения в собственной значительности.

Один из двуногих волков достал из жилетного кармана часы, взглянул на них и проговорил, обращаясь к своему собеседнику, похожему на зубастую цаплю:

– Еще четверть часа, мой друг! Четверть часа до начала!

Инквизитор снова попытался молиться, но вместо молитвы выходило у него что-то бессвязное и кощунственное.

Вдруг через толпу адских созданий к нему протолкался некто высокий, отдаленно напоминающий человека. Однако во внешности его была какая-то пугающая странность, и когда брат Бернар внимательно пригляделся, он понял, что у незнакомца нет головы, глаза же и рот находятся у него на животе.

Подойдя к инквизитору, безголовый монстр с нечеловеческой силой схватил его за плечо и проговорил хриплым, каркающим голосом, исходящим из живота:

– Он желает видеть тебя!

Инквизитор пытался что-то спросить или возразить, но монстр не слушал никаких возражений, он уже тащил его через толпу своих собратьев куда-то в дальний конец поляны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.